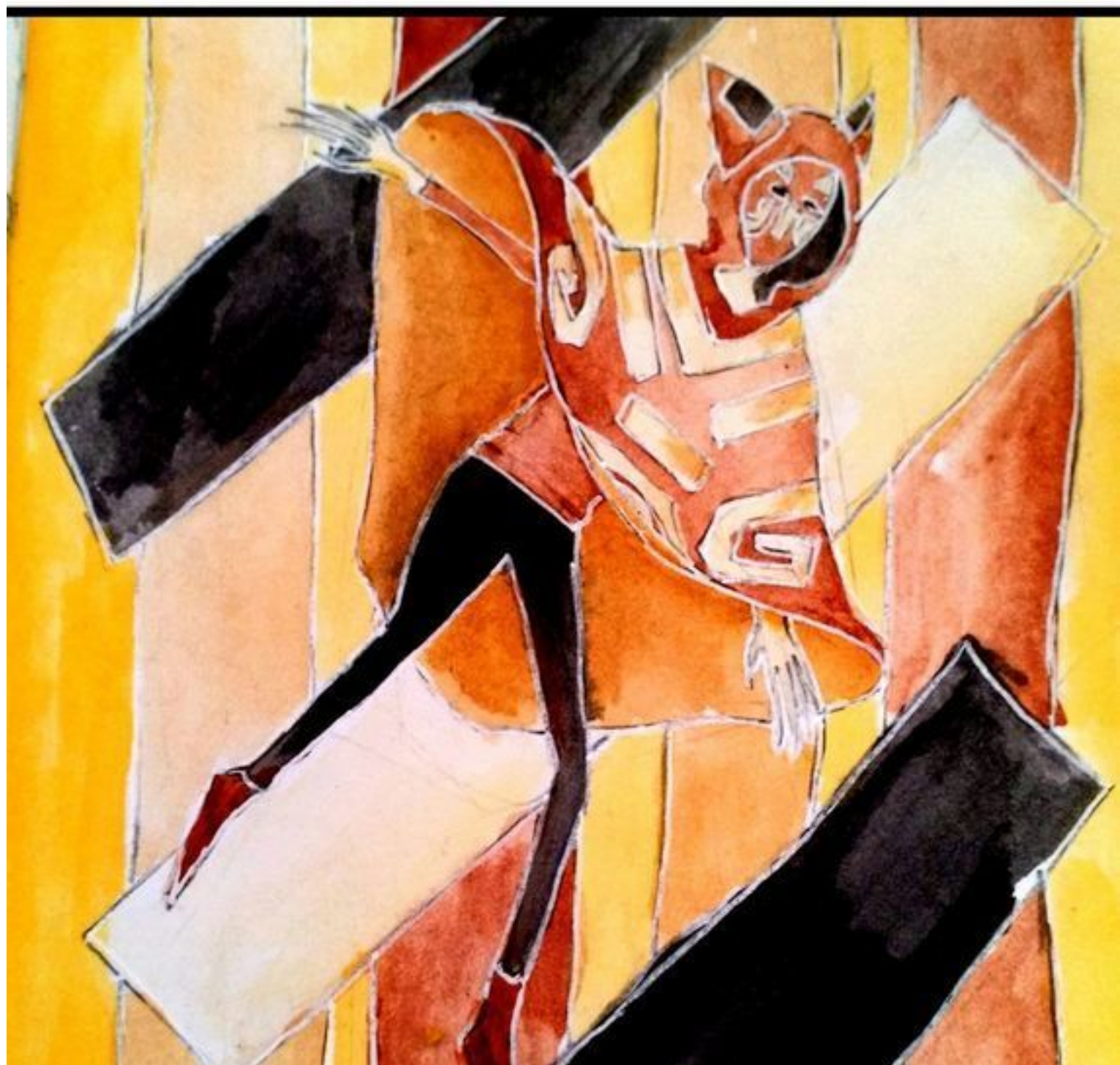

ЕКАТЕРИНА СМИРНОВА

Богиня песков

Екатерина Смирнова

Богиня песков

«Издательские решения»

2015

Смирнова Е. А.

Богиня песков / Е. А. Смирнова — «Издательские решения»,
2015

Огромное государство близится к закату, и в нем творятся странные дела. Нищая девчонка из самой низкой касты получает небывалую силу и поднимает восстание. Его Священное величество император сходит с ума. Магия запрещена повсеместно. Сумеет ли разобраться в происходящем и помочь одной из сторон человек, принадлежащий к цивилизации, где совершенно не верят в богов, мистику и магию, зато прекрасно играют в шахматы?

Содержание

1	7
2	9
3	15
4	20
5	22
6	26
7	28
8	31
9	36
10	46
11	55
12	66
13	70
14	75
15	78
16	85
Конец ознакомительного фрагмента.	88

Богиня песков

Екатерина Смирнова

© Екатерина Смирнова, 2015

© Марина Васильевна Сигунова, иллюстрации, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

*«Первый след на земле – отпечаток – не лапы или стопы,
а колеса, стальной гусеницы, выпавшей шестерни.
У деревьев были не стволы, а каменные столпы.
Посреди земли торчал рычаг – а ну, поверни.*

*Жизнь была металлической, механической, а потом
стала белковой, мыслящей, нам стареть-не ржаветь.
Жизнь покрыла землю черепками – культурным пластом,
и опять в ход пошли камень, железо, медь.*

*Первый взгляд на Землю не сверху, а из глубин —
жерла, скважины, шахты, кратера. Мы сохраним
эффект красного глаза. Тем более, глаз – один,
А эффект красного глаза – неустраним».*

Борис Херсонский

1

Сегодня я расскажу вам все, как было – старуха обвела взглядом подвал.

– Как было, так было! – подхватили все семеро внуков. – Бабушка, бабушка, расскажи, что ты сегодня видела во сне!

– Я видела во сне то, что несколько лет назад случилось в столице – сказала бабушка, и все притихли. – Давайте я вам покажу. Только будет страшновато.

Начиналось время вечерних сказок.

Это всегда было так интересно, что никто и не думал капризничать или просить чего-нибудь еще. Даже в самые голодные времена всех спасали бабушкины живые картины. Посмотришь – и отдыхаешь. И есть, бывает, не хочется... И прятаться было легче, и жизнь в подвале потом походила на увлекательную игру.

А чего бабушка только не видела когда-то! Все можно было показать внукам. Когда начинались живые картины, перед внуками пробегали пустынные птицы, сверкали крыши высоких домов, вставали неизвестные города... А теперь им покажут самую настоящую столицу!

Все немедленно уселись, дружно выдохнули и закрыли глаза – глядеть, как из ничего, одевая стены волшебным ковром, возникает живая картина; и бабушка начала плести новую историю.

Семья зачарованно смотрела, как некий старый ученый, бородатый, синеглазый, ходит, прихрамывая, и читает наизусть волшебные слова в подвале своей башни. Сверху была чаша со шпилем, а стены чаши были покрыты рисунками, изображавшими богов и героев, черным и синим, синим по черному и белым по синему, тонкими линиями.

– Ему нужны ученики – сказала бабушка. – Вот он и взял себе учеников. Помладше, поумнее...

Время шло, и ученый стал воспитывать троих из четверых детей, живших при нем, и троих из них он учил обращению с молниями. А четвертому передал силу, которая эти молнии воскрешала.

– А это как, бабушка? Что это такое?

– Я вам потом объясню. Вам бы с нашим камнем поговорить, когда подрастете.

Все в этой башне было загадочным и таинственным – и медные сосуды, и катушки медной проволоки, и стальные сферы с пустотой внутри, и тот-камень!

– И еще там был такой таинственный запах – добавляла бабушка вслух. – И у нас могла бы быть такая башня, если бы мы ее достроили!.. Вы смотрите, смотрите, я уже старая, забыла, чем дело кончается.

Смотрите, смотрите – подталкивали друг друга дети. – Молнии!

Особенно им понравилась металлическая рука, которая терла длинный-предлинный черный каменный стержень. От этого происходили искры, и им казалось, что волосы на головах учеников вставали дыбом.

В башне много было всяких чудес, и дети пожалели, что у них нет такой школы, как у воспитанников загадочного старика. Но школы есть только в больших городах, что поделат... И время сейчас беспокойное.

А Его священное величество, правитель и великий человек, узнав об опытах старика с молниями и железными сферами, отдал приказ:

– ... Он не ведает, что творит. Спасите его от самого себя.

Увидев в живой картине самого императора, дети зажали рты ладонями – вдруг услышит, хотя, конечно же, живая картина не могла ничего услышать. Они уже видели его, и видение было ужасно – один человек командует, а многие исполняют. Многие верные исполняли его веления точно и в срок, как будто было у императора шестьдесят рук.

Отряд из четырех-пяти человек – кто на птицах, кто пешком, чтобы старик не ускользнул – высадился под чашей башни, и солдаты подошли к подножию, не стучась в ворота.

Дальше сказка пошла вразнос, и кое-кто прикусил губу, а кто и отбежал в дальний угол, чтобы бабушка не увидела, как он плачет.

Старик с детьми встречал их на пороге и был убит выстрелом в сердце. Маленькие молнии из коротких ружей в руках стражи не дремали.

– Вы должны нас убить – сказал младший из детей. – Но вы нас не убьете. Нас нельзя убить надолго.

Их повели в подвал из черного камня, где стоял алтарь старика, и видно было, что там дети начали бегать и прятаться, но один, тот, кого учили отдельно, спокойно стоял и ждал смерти. Он тоже был убит. Как и прочие. Кто был в башне, тот и погиб.

Император вздохнул спокойно, хотя не раз беседовал со стариком и когда-то играл с ним в игры-на-жизнь.

Этому подданному, как и любому другому, разрешалось только содержать в порядке изобретенную им установку, но не учить этому кого попало, особенно детей говорил он – ведь они могли оказаться способными. Одно дело – работа, наука, а другое дело, видите ли – старое ремесло.

Сейчас нельзя совершенствоваться в старом ремесле. Им и заниматься-то не стоит. Старое ремесло – незаконное ремесло.

Все смотрели, затаив дыхание, как император хмурился и отдавал еще какие-то приказания, но тут бабушка перестала держать нить, и живые картины исчезли.

Внуки и дочь какое-то время еще посидели, отдыхая.

Потом младший глубоко вздохнул и заплакал. Мать бросилась утешать его, но бабушка сказала:

– Пусть поплачет. Пусть. Это был мой брат.

Тут уже все бросились утешать бабушку, но проку от этого было немного.

2

Город жил.

Город был столицей, и жители его были похожи на людей и зверей, изображенных на гобелене: переплетение нитей создавало их лица, цвета, росчерки взглядов. Собраны из тысячи пересечений, пели свет, тень и блики на монетах, из разноцветных нитей выплетались стены домов, окна, занавеси, длинные драпировки, полы одежды, а дальше можно было вообразить руки, глаза, губы, слова, дела...

Они так и жили – ведь хитрые люди когда-то расставили ткацкий стан, натянули основу, заложили размер, а сами стояли у станка да покрикивали на ткача – тките не так хорошо! Это не стыкуется с тем, что делал предыдущий мастер!

Мастера сменялись часто: их казнили одного за другим.

Но основа жила, она была скручена из огненных ниток, и раз за разом основа прожигала дерево и сталь, плавил тонкое серебро и золото, раскачивала станок так, что тот был готов опрокинуться:

Как тяжело пришлось бедным мастерам! Они ткали, не поднимая головы, надеясь только на то, что стоит закончить работу – и будет свобода.

Однажды в сокрытой стране, где ткачи работали над небывалым, случился мятеж, и погибли все принуждающие.

Работа была сделана, и мастер, не кланяясь, вставал из-за станка: но тут же понимал, что невидимых рук, заставляющих его трудиться, уже нет, а работа все еще нехороша. Не может быть хорошо сделанное из-под палки.

И он вздыхал – и снова брался за дело, жалея бедный гобелен, распуская, срезая и навивая нити заново, и тогда к нему слетались души всех мастеров, загубленных за этой работой. Вот это лицо – нехорошо... А вот то – грубо сделано... А это – чересчур тонко и радостно светится, как песня кииби, нет ли ему какого окружения, чтобы не было человеку так одиноко?

Почти невозможно переделывать отдельные части гобелена, не срезая целого: но в сокрытой стране могут и не такое.

А город разрастался, и вот уже появилась на свет целая страна, со своими племенами, народами, лесами и пустынями, ветром и морем. Стран стало несколько – зеленая и желтая, серая и красная... А там, где огненные нити основы отрывались от стана и прожигали дыру – пробивалось колдовство. И колдовство это было неистовым и восторженным, как души породивших его настоящих людей.

Многие не верили, что мастера могут удержать гобелен, и давали им новые имена и прозвания, и каждому – новое тело. Ведь так тяжело в сокрытой стране быть мастером, всю жизнь делающим одно и то же. В сокрытой стране есть мастера, владеющие многими ремеслами: но мастера гобеленов – одержимые. Они ткут и ткут, добавляя все новые цвета и слоги, части речи и потоки, бархатные шнуры и песчаные струи – и никто уже не скажет, что картина хуже настоящего города.

Они верят: если картина оживет, появится тот, у кого есть ключи от сокрытой страны.

Сначала линии схематичны – говорит тот, кто все видит. Потом они дополняются деталями, характерами, жизнью и смертью.

И однажды понимаешь: картина оживает, и все, что действует, обретает размер, тепло, вкус, запах и цвет.

И город – жил. И Посланник – искал, двигался, как будто танцуя, не зная, кто движется ему навстречу. Поэт воскресал, не умея умирать. Богиня рождалась на свет в грязи, пыли, огне и ярости, преодолевая слабость человеческой плоти. Император уничтожал свои корни, придумывая новый порядок. Кравчий – скучал.

...

Да, вот так вот и бывает в самом центре гобелена. Кравчий скучал.

У него сегодня был тяжелый день – ноги болели больше обычного, и все вокруг казалось погруженным в серый, вязкий дым. Кажется, лекарь не зря пугал потерей зрения. Шумный прием утомил его сверх меры. И к чему называться кравчим, если ты лично наливаешь вина императору только в большой праздник, а в остальное время поставщик? Закупка, продажа, пропажа... А-а-а.

Он сидел, окруженный слугами, на помосте для важных особ, и скучал невыносимо.

Ничего. Сейчас переименовывают горы, улицы, фабрики – и человека вот переименовали. Обозначался одним знаком, а теперь вместо названия должности – старинное гордое слово. А господин советник по особо важным делам теперь должен ставить перед своим именем некий росчерк, означающий «покорный слуга». Хотя это кто еще чей слуга, а... а-а-а.

Кравчий зевнул.

У дальней стены он заметил высокого, необычно бледного, сутулого человека, говорящего с... о все небесные силы, это как раз господин советник по военным вопросам! Кравчий постарался прислушаться. Впрочем, ничего услышать ему не удалось. После язвительных слов, сказанных странным гостем, советник отшатнулся, и выражение его лица стало каменным. Не начнет ли он теперь клеваться, как одноногая птица? – подумал кравчий. Но тут кто-то заслонила многообещающую сцену, и пришлось посылать служанку расспросить, что да как.

– Он спрашивает, почему казнили того ученого на прошлой неделе, господин – начала рассказывать девица, подойдя поближе и не заботясь о том, кто, как и что мог бы услышать. – Того, кто вздумал выйти из башни в неурочный час. Господин советник сказал ему, что вопрос неуместен, и, пусть он даже и прибыл издалека, ему не стоит публично рассуждать о...

Старик поднял руку, прислушиваясь к болтовне служанки: им несли поднос с закусками, а за слугой с подносом двигалась веселая компания придворных, занятых необязательной болтовней.

– Хорошо, хорошо, моя радость... А кто это был? Кто такой любопытный, в наше-то время?

– Не знаю... – пролепетала она.

– Ну так иди и узнай! Мне очень интересно, кто этот бестактный высокородный. Почему он так смел?

– Он не из высокородных... Нет, простите, не совсем так... мне говорили, он принят его священным величеством, он довольно богат, но не нашей крови – вмешался в разговор сосед справа, отвечавший до недавнего времени всего-навсего за речную торговлю, а теперь выраженный адмиралом речного флота. – Говорят, он с другой стороны неба.

– Как, это он? – оживился кравчий. – Не верю я в эту ерунду.

– Да, он. – и сосед подмигнул, посмотрев направо.

Кравчий незаметно огляделся по сторонам и громко сказал:

– Интересно, долго ли живут на другой стороне неба...

Сосед с удовольствием поддержал разговор о продолжительности жизни небывалых людей, стараясь подогреть непрощенное внимание. Стоящие поодаль тут же начали приближаться – кто на шаг, кто на два. Очень быстро возник довольно внушительный круг любителей поострить, обсуждая бледность кожи, смешную шапочку и необычные черты незнакомца. Как только не в меру внимательный молодой человек, стоящий поодаль, был взят в плен какой-то милой девушкой, желавшей поцелуя, сосед понизил голос и немедленно спросил:

– Вы собираетесь пригласить его к себе на прием? Это было бы интересно.

– Да, да – поддержали его со всех сторон, заслоняя спинами от целующихся.

– Нет, что вы... Я слишком стар и не слишком любопытен. Это было бы неуместно. Он только что вылез из своей берлоги и неплохо поработал на благо нашей империи. Но я попробую...

– О, непременно, непременно!

Сосед улыбнулся старательно отрепетированной улыбкой.

– Кстати, вы уже читали новое уложение о праздниках? – и разговор благополучно принял удобное для всех направление.

Таскат, посланник звездного государства, который месяц занимался не своим делом. Если правду говорить, то говорить ее как есть, а если правда – просто глупые слова, то так их и скажи: искал на этой земле следы колдовства.

Вернее – теперь он не мог найти.

До прошлого года он и не задумывался, чем обернется его неуместный интерес к истории большой страны, обозначенной на картах как империя Аре и подчиняющей себе, как было сказано в ее горделивых законах, все обитаемые пространства.

Он вовсе не был бестактен. Наоборот, некоторые вещи легко сходили ему с рук. А до того, как он справился с заданием, посланник считал, что ему необычайно везет.

Он прилетел сюда, чтобы разрешить спор о добыче нейдара – идеального для целей корпорации металла-сверхпроводника, более ценного для его родины, чем золото, и очень нужного индустрии космических кораблей. Впрочем, сказать «прилетел» было бы бестактно. В Аар-Дех считалось бестактным интересоваться происхождением нужных людей. Предыдущие посланники вызывали священный ужас самим фактом своего появления, но теперь им удивлялись так недолго, как будто свалившиеся с неба космические корабли – обычное дело.

Чем нужнее был человек, тем меньше его рассматривали.

До него дела шли плохо. Местные жители оказались умнее, чем на это рассчитывало его начальство. Агенты корпорации, купившие в империи никому не нужный кусок земли, повели себя невежливо. На руднике очень быстро начали добывать металл, и грузовые корабли, которым не требовалось пилотов, сновали между планетами с грузом туда-сюда, как нитка с иголкой. Они сшивали пространство до тех пор, пока не появилась некоторая натянутость в отношениях между Содружеством и Аре – примерно как на куске ткани, который маленькая девочка, балуясь с шитьем, прошивает несколько десятков раз. Один полет – один стежок – одна претензия.

Металл, на который положила глаз корпорация, действительно стоил мало, тек в жилах планеты, как кровь, добывался трудно – но встречался в этих землях в чудовищном изобилии. При всем при этом он был жизненно необходим местной армии для производства новейшего оружия – единственного огнестрельного оружия на планете. Сталь им, как понял Таскат, почему-то ну никак не подходила. Купить рудничный комплекс местные феодалы были не в состоянии. Но запустить его чужими руками, получая за это процент от добычи – конечно, дозволили.

В это время Таскату полагался отпуск. Ему нужно было забыть последствия тягостной работы в земле Идали, где так некстати сменилось правительство. Среди всех обитаемых земель Идали выделялась большой силой тяжести, нестабильностью власти и вспыльчивым характером местных уроженцев. Нервы посланника были изрядно потрепаны, а голова и уши нуждались в отдыхе. Скучать он начал с самого начала курса реабилитации. Поэтому, когда девять месяцев спустя дверь больничной норы мягко сдвинулась в сторону и возник глава департамента торговли, Таскат нимало не удивился. Последний месяц он лежал, свернувшись клубком, и смотрел выпуски новостей, выбирая самые громкие и серьезные скандалы.

Ему вручили третий в его коллекции парадный плащ. Стараясь не рвать в нетерпении обивку стен, он сел и внимательно посмотрел на собеседника. Собеседник нервно повел коротким хвостом.

– Чем обязан столь высокой честью?

Только секретарь, поставивший на стол корзинку со сладостями, уберег начальство от неожиданных хвостодвижений.

– Я вас внимательно слушаю – сказал Таскат и потянулся.

– ...Я благодарен вам по гроб жизни. Вы великолепны. Вам удалось сохранить концессию – говорил ему глава, неслышно вышагивая перед ним по деревянному полу туда-сюда, туда-сюда. – Удалось произвести на этих людей такое впечатление, что нашим дипломатам стало много легче работать. Кого ни спроси, что они думают о нас – мы теперь не бездушные добытчики и торгаши, нет! Идалийцы превозносят тех, кого считают героями. «Это люди с родины Таската, Таскат готов был отдать за них жизнь!» Правда, никто теперь не знает, все-речь ли принимать их посольство – сегодня у них один правитель, завтра три или четыре, и страны тоже каждый раз разные...

Герой брезгливо сморщил нос.

Глава отдела ритуально царапнул пол

– Вы чуть не погибли. Почему вы рисковали жизнью и не улетели оттуда вовремя? Зачем вообще все эти перестрелки, погони, прятки по углам, героическая сдача в плен? Если вы намеревались вскарабкаться по трехметровой стене, не давая себя расстрелять, то рисковали обломать когти на ногах! Вас могли и взаправду расстрелять! Пуля может догнать кого угодно, ей все равно, идалиец это с короткими пальцами или эн-тай, которому захотелось побегать по заборам!

– Я люблю свою работу – Таскат передернул лопатками. Его все еще стесняла домашняя одежда, и хотелось вскинуть руки при любом шорохе, выдвигая ногти. – Кроме того, мы отлично поиграли. Я теперь могу прыгать на те самые три метра вверх. Правда, при обычной силе тяжести. Голова не пострадала.

– Сомневаюсь я, что это так... – вздохнул начальник и склонился ближе. – Хотя... Думаю, вы скучаете. Игра у меня с собой. Вы имеете полное право от нее отказаться. Нам нужен человек, который впишется в общество людей, не придающих смерти никакого значения. Ни один ваш коллега не нашел к ним подхода.

– Они не любят умирать? – не поверил Таскат. – Тогда я, наверное, вам не подойду. Я теперь отношусь к смерти нежно и уважительно. Меня собирались накрыть флагом родины и расстрелять со всем возможным почетом. А вы не хотите попробовать, каково полежать под флагом? Если там это делают без флага, я буду против.

Начальник сердито посмотрел на подчиненного, для которого не было ничего святого, подмахнул бумагу и поднес ее к носу Таската. Тот подвигал носом, опознавая код. Бумага была голубоватой. Код читался легко.

Так и есть – подумал Таскат. Задание нужно строить, как здание – с фундамента. Это, похоже, строили задом наперед, с крыши, без опор и не соблюдая технику безопасности. Лететь было очень далеко... Связь примитивная... Общество... общество – почти феодальное... Антропологи работали мало и плохо... Изучено только одно полушарие и не изучен океан?!. Что это вообще такое?

– Это сырье – вздохнул начальник, и уши его, сложившись, приняли почти горизонтальное положение. Начальнику было стыдно. – Я бы вообще не отпускал вас, если вы в таком истерическом состоянии. Но никто больше ехать не хочет.

Наверное, стоит отказаться, подумал он. Но... если... перед этим... девять месяцев... торчать в больнице!..

Таскат втянул воздух и посмотрел на листок несколько по-другому.

Беру. Сейчас я возьму что угодно.

Начальник поперхнулся.

– Я играл здесь только в кости! – заявил Таскат. – Если не начать работать немедленно, я сдохну. Судя по тому, как вы меня обхаживаете, это задание для специалиста вроде меня у вас единственное?

Шерсть на загровке начальника встала дыбом.

– Давайте материалы.

За два месяца ему удалось, проводив предшественника, разобраться в нагромождении склок, дрызг, взаимного неуважения и откровенного вранья. Вранья было больше всего. Склады находились на имперской территории, и во время расследования дел несколько голов полетели с плеч за воровство. Местная общепланетная империя не собиралась вступать в Содружество, но и ей было бы невыгодно потерять те деньги, которые посланник со всем возможным почтением предложил вписать в контракт после того, как принес официальные извинения. Дело за делом, вопрос за вопросом – и скоро корабли с грузом поплыли в пустоте опять, хотя и медленнее, чем прежде...

Один стежок – один миллиард, если считать намеренно грубо.

Дело, порученное ему правительством, было сделано, но Таскат знал, что для него эта победа – сокрушительный провал. Сейчас ему не хотелось возвращаться на свою землю, в Хэле, в теплый мир, к обеспеченной жизни и знакомым лицам... Ему хотелось победы. А победы не было.

Во-первых, он имел дело не с надежным общепланетным правительством, а с одной большой отсталой страной, чтоб ее... В империи, давно утерявшей власть над своим одним-единственным, огромным континентом, дела шли из рук вон плохо, и то, с каким спокойствием империя согласилась на торговый договор с иноземцами, лишней раз доказывало, что трон качается на грани пустоты. Посланник оказался привязан за обе руки.

И, во-вторых, в этой земле был секрет, который не давал Таскату покоя – похоже, здесь жила магия, настоящая магия.

Хотя бы второе полушарие этой планеты, постоянно скрытое, казалось бы, облаками! Но какие облака будут держаться постоянно? И как можно исказить до такой степени показания сканеров?..

Хотя бы то, что медициной занимались исключительно знахари, но результаты этого лечения были совсем непохожи на варварские!

Хотя бы жуткие гибриды – шестиногие млекопитающие, птицы или звери об одной ноге, которые чувствовали себя прекрасно, да еще много чего!

Хотя бы огромные умолчания в книгах и словарях...

Доказательства существования небывалых вещей очень мешали ему сохранять присутствие духа. Игра, настоящая игра, витала в воздухе.

Тогда, два года назад, Таскат пошел на риск.

Он отослал сообщение, в котором говорилось, что разработанная им дипломатическая программа требует его присутствия еще несколько лет, и просил установить межзвездное сообщение для торговли, но не отсылать его самого, пока этого не потребуют срочные дела.

Также он сообщил, что пытается раскрыть великую тайну, и подробно описал, в чем она состоит, заменяя везде «волшебство» на «особые способности».

К своему удивлению, он мгновенно получил «добро» на исследования, подкрепленные восторженным письмом из родного главного университета Хэле, пакет документов, к которому прилагались подробные истории таких поисков на других планетах, список литературы под названием «жречество, магия, шарлатанство и волшебство» и новый код.

Главу «Жречество» стоило прочесть первой.

Список был длинным, напичканным историческими подробностями, а приложенная к нему записка от начальства заканчивалась пожеланием найти хоть одного настоящего мага, желательно – достаточно разумного, чтобы приехать в институт лично. Еще там были некоторые инструкции по обращению с присланными приборами, которые, судя по тону письма, еще не испытывались на практике.

Замечательно, подумал он, дойдя до второй страницы инструкции, выключил передатчик и пожелал себе найти хоть кого-то, кто не будет показывать ему допотопные лейденские банки, стараясь выдать это за священный алтарь.

Уже прошло слишком много времени.

Он был очень сердит на себя за проявленную инициативу.

3

Так тяжело жить в городах, где не гаснет свет!

Кому-то жить здесь легко: эти люди танцуют, танцуют до упаду, и все у них превращается в танец. Они чувствуют ритм, движутся в такт, прыгают через опасные трещины, склоняются и поворачиваются в нужную сторону, ловя в воздухе золотой дехин, а когда пробьет их час, становятся самыми счастливыми людьми на земле.

Говорят, что они все превращают в такт: мир крутится под их ногами, и они толкают его.

Плата за это – постоянное движение. Берегись, берегись, упадешь! По тебе пройдет чей-то каблук, и ты будешь извиваться на полу, пока вокруг пляшут.

А некоторые вот делают и делают свое дело. Эти люди похожи на зубчатые колеса, проворачивающиеся под собственной тяжестью. И пока их не толкнет еще раз маховик судьбы, вертеться им и вертеться, оставаясь на месте... Никто не снимает их с оси.

Получается поэма. А я не поэт! Я сказочник! Я рассказываю сказки всем; придворным – на приемах, начальству – в отчетах, институту – в детальных описаниях здешнего быта. Но те сказки, которые я рассказываю на самом деле, я кому попало не показываю. Особенно те, которые я рассказываю сам себе.

Сейчас и друзьям нельзя написать о том, что происходит. А сказки отсылать можно.

Вот уеду отсюда, и будут вам сказки...

Таскат замедлил шаг, прислушиваясь к ночной жизни города. Камни на мостовой пели, отдавая накопленный за день свет. Свет и шум.

Наверное, здесь не слышат камней – подумал он, ловя вибрацию. Здесь часто и людей не слышат.

Горестные эти размышления прервал выкрик торговца-разносчика – его отпихнул с дороги солдат, шедший впереди.

Таскат вовремя напомнил себе, что проявлять милосердие нельзя. Высокородные позволяют охране отталкивать кого угодно, а избитые стражей люди часто валяются в канавах. Бить он запретил, но стоит не дать слугам очистить дорогу – и ты уже вызываешь подозрения: высококородный ли идет своим путем? Может быть, самозванец? А не окружить ли, вопя о подачках, такого медленного вельможу, когда он опять пойдет этой дорогой? А то и не пройдешь в такой толчее.

Все равно было мерзко. Но очарование города помогало пережить и это. Что ж, будем любоваться издали... Почему, черт побери, никто, никогда, нигде не воспевает то, что спасает от мерзости – ночь в городе, одиночество в толпе?

На улицах торговали, несмотря на поздний час. Пахло сладким и почему-то пылью, хотя не так давно прошел дождь. Из переулка вылетела стайка зубастых птиц; они с криком промчались над головой и растаяли в сумерках. Поблескивали стены домов. На его земле в такую ночь на улицах танцевали бы. Но сейчас ритм задавала стража – в ногу, в ногу – и ему пришлось приноровиться, чтобы попасть домой.

Люди высокого рода и общественного положения не могут купить на улице ничего, не могут зайти в лавку, принадлежащую низким людям, не могут обзавестись лишней одеждой, но у них есть город. А у него вот нет этого города, хотя он может протянуть руку и потрогать его.

Поэты и художники изводили десять тысяч красок каждый месяц на то, чтобы описать всю суматоху цветов и оттенков, бегущих по лезвию серого сумрака, быстро прекращающейся жизни в городах, где не гаснет свет – в городах, которых никогда не будет, потому что никто из людей, живущих на окраинах империи, не в силах их вообразить.

Я живу в городе, которого не существует, мрачно думал он. Средоточие благ, средоточие власти. Узел, который никто не разрубит. Мера всего.

За два с половиной года, не считая пребывания на руднике, аар успели пробрать посланника до печенок.

Таскат шел, не отводя глаз от ореолов тусклого света. Охрана избавляла его от необходимости разглядывать толпу. Он так и не привык беречься от возможных карманников. Но кто же отпустит посланника звездного государства с той стороны неба, аристократа по рождению, бродить по городу без охраны? Спасибо еще, что оставили возможность иногда ходить пешком в сопровождении восьмерых вооруженных солдат. Это больше похоже на конвой.

Позвольте, мог бы сказать он. Я вовсе не аристократ по рождению. Но министерство внешних контактов весьма и весьма предусмотрительно. Это входит в программу контакта. Простолодину не доверили бы заключать столь важные сделки со столь важными, можно сказать – великими людьми. Поэтому ко мне тут должны обращаться «высокородный» и иногда носить в паланкине.

А под ноги стоит смотреть, потому что темновато: уличное освещение на самых богатых улицах – масляное. Газовое – высший шик в некоторых экстравагантных домах. Электричество есть во дворце и у жрецов.

Запрет на искусственное электричество (естественное бежало сейчас дрожью по позвоночнику, поднимало шерсть на загривке, и приходилось успокаивать себя, сжимая кулаки) здесь был подобен священному запрету на колесо у инков – еще древние земляне знали толк в таких запретах, о чем великолепно писал нынешний начальник поисковой службы. Но все-таки в императорском дворце, пред лицом...

Он почувствовал, что заражается намеренной почтительностью, проникающей здесь во все щели, и разозлился. Плевать. В императорском дворце можно было не расширять зрение, листая страницы старой книги или читая какой-нибудь указ. Это имело значение. А остальное? Зачем мне все остальное?

Поживешь здесь несколько лет – сказал ему добрый Варта, его предшественник на этом посту – будешь падать перед тронem на колени. У предшественника были грустные темные глаза, волосы стояли торчком, как иглы дикобраза, и он наверняка с облегчением вздохнул, как только корабль оторвался от планеты.

Сбившись с шага, посланник споткнулся и обиженно вспомнил, как передают дела люди, которым все равно.

– Здесь казнят – предупредил предшественник.

– Знаю, знаю – проворчал Таскат. – Поэтому меня сюда и послали. Я уже не раз был там, где могут казнить. Везет мне. Хурр!

Он оглядел обстановку башни. Огромная кровать состояла из десятка квадратных пufов, набитых чем-то, похожим на оцупь на скомканные тряпки. Не комната, а одна большая спальня, а войти может кто угодно. Полог свешивался одним концом вниз. А если кто-нибудь войдет и застанет посланника одевающимся?.. Или увидит хвост?.. Это же культурный шок.

– Спи в этом балахоне – Варта махнул рукой в сторону комода. – Так все делают.

Стены были изысканно занавешены драпировками, из-под которых виднелся голый камень. Окно занимало половину стены и не закрывалось ничем – это был просто проем в стене.

Дыра, подумал Таскат. То есть – в стене дыра. И люди, наверное, падают... тут метров пять.

– Здесь так живут все высокородные – хмыкнул предшественник. – Привыкай!

– Привыкну – пообещал Таскат. – Ты любишь местное вино? О боги.

На низком столе стояла откупоренная бутылка и недопитый бокал.

Варта улыбнулся.

– Я тут тоже кое к чему привык... А почему ты говоришь «о боги»? В ваших землях никогда не слышали ни о каких богах.

– Привык. На прошлой работе от этого было не отвязаться. Спасибо, больше я не буду.

– Привык? Тебе пригодится. Только вслух не поминай. Тут с этим плохо.

Предшественник как-то погрустнел. Совсем замучался, бедняга – решил Таскат, вспоминая его отчеты. Он был по большей части программист. Кроме тысячи мелких дел, которые входили в обязанности специалиста по торговле, нужно было в буквальном смысле слова иногда «работать на рудниках» – программировать машины, чинить неполадки. Огромный рудничный комплекс развернулся автоматически, но машине размером с город были нужны ремонтники и тот, кто их запускает. А еще ведь и торговое представительство... Приходилось, наверное, с кем-то пить. Тут тоже пьют.

Это плохо помогает при скандалах.

– Что – придется?

– Придется. Много придется делать не так, как тебе хочется. – И еще подмигивает, как будто хотел бы что-то прямо сказать, но не может. Вот не может, и все.

Со значением.

Он перешел на язык знаков. «Слушают? – Нет. А отчего не можешь говорить? – Страшно. – Чего боишься?»

Варта возмущенно выдохнул и уставился на него бешеными глазами.

«Я напишу!» – выбил он пальцами по столешнице и отвернулся, чтобы взять свой мешок. «А до того не спрашивай!»

«Гордый» – хотел сказать ему Таскат, но вместо этого подошел и обнял товарища.

Таскат подумал, что дело не в работе. Не могло его так согнуть за три года. Перекошенное от страха лицо быстро не выправляется, но вообще послать Варту, полностью мирного человека – это просчет. Бывает работа потяжелее, например, его предыдущая. А отчеты были полны мелких недомолвок... и больших недомолвок. Ладно. Что бы тут ни творилось, наше дело – машины и люди, оставшиеся здесь. Люди и машины. А всякие государственные неприятности нас обычно не касаются.

– А что у них с вооружением? – спросил он, чтобы хоть о чем-то поговорить с этим несчастным, неспособным составить отчет. – Я видел в твоих описаниях настоящие ружья. Должен же я знать, для чего это все.

– Не для ружей, поверь. С ружьями вообще вышла интересная история. Наши ребята, прилетев сюда первый раз, решили не пугать отсталое население и вооружило свою охрану винтовками. А через месяц они повторили за нами. По какому принципу, я до сих пор не понимаю. Но это все – уже не для ружей.

И замолчал, опустив голову. А потом сел в кресло и закрыл глаза.

Больше из этого бедняги ничего не вытянешь – понял Таскат и заткнулся. Ладно, спишемся с начальством потом.

Он проводил предшественника до края охраняемой зоны, помахал ему рукой и вернулся в эту холодную башню. В единственной комнате наверху еще оставались чужие вещи – Варта улетал в такой спешке, словно ему на хвост насыпали соли, и ничего не взял с собой, кроме памятных мелочей и окарины. Запретили ему, что ли?

Не мог же он серьезно ввязаться в какие-то еще политические распри – раздумывал Таскат, сидя на кровати. – Чего он так испугался? Из-за него все, что ли? Кроме того, ввязываться куда-либо еще нам просто запрещено.

Насколько он понимал, самым большим злом здесь считалась война. Если бы дело происходило дома, то он только пожал бы плечами. Война иногда – неизбежное зло. Для того, чтобы мир не воевал постоянно, существуют дипломаты, разведчики, игроки, наконец, торговые агенты и представители крупных корпораций, наделенные дипломатическим иммунитетом – такие, как сам Таскат... Не заводить же здесь полноценное посольство! Если бы предшественника вытурили отсюда, со скандалом или без, при других порядках – было бы все ясно. Но последняя война здесь случилась как раз в эпоху становления Империи. А Империя – одна. Три народа, одна большая империя.

Аар вообще не воюют – говорил ему наставник... Три части огромной страны, Аре, Исх и Айд, живут мирно. Воюют в Аиде полудикие племена между собой, и то не воюют, а так... стычки у них. Усобицы. Какая-то неясная, незатухающая война происходит на южной границе Империи, где, судя по карте – сплошные джунгли и болота. В Империи есть армия и традиционная воинская повинность, разбойничьи шайки, воров и грабители, но нет террористов, воинствующих религиозных орденов и оппозиции, готовой бунтовать. А война? Какая война? Даже восстаний и то нет. С тех пор, как скончался первый император – ни одного восстания.

Таскат не понял, почему так. Просто принял к сведению и заучил наизусть. Нет – значит, нет. Исторически сложилось.

Близился вечер. Очень хотелось хоть чем-то закрыть окно, но он подумал, что не стоит.

В здешних правилах поведения, установленных специально для высокородных, было заложено гордое презрение к плохой погоде.

Он вздохнул, встал, откинул в сторону какую-то ценную тряпку и начал усердно устраиваться в новом гнезде...

Обычно несложно было перебирать воспоминания. Из воспоминаний можно сложить головоломку, сказку, песню, сборник загадок. А если уж что-то объявлять злом, то праздники и приемы. Какой же это, с позволения сказать, праздник, когда у всех такие бесстрастные рожи?

Можно было только думать, шагая по улице, полутемной и мокрой, когда охрана прибавляла шагу, не давая остановиться. Он начал шипеть сквозь зубы какой-то мотив, услышанный во время танцев.

– Быстрее, господин... Прошу вас идти быстрее! – о боги, эти служащие скоро начнут его подталкивать. Безобразие какое.

Может быть, Варту тоже одолевала скука. Скука и тоска, пока не начались крики, что мы слишком много берем. Автоматика работает исправно – зачем руднику люди? Каждый занимается своим делом.

Он превращался в какую-то машину, пережевывающую одну и ту же информацию в десяти тысячный раз. Ведь говорить с людьми приходится каждый день. А говорят они все меньше, и теперь – одно и то же... Полгода в тщательно охраняемой среде – башня, дворец, сад. Год он прожил среди придворных, спотыкаясь о словесные барьеры. Чувствуешь себя ребенком, которому никто ничего не объясняет. Отлучаться никуда нельзя. Полгода с редкими перерывами – среди машин. Рабочие молчаливы, слугам говорить с тобой не велено. Возвращение.

И даже неизвестно, что там, за морем.

Жизнь шла своим чередом, и чужое время проходило мимо него – здесь, в Аар-Дех, и в остальных городах, где не меркнет свет, где не меркнет свет...

Да.

Свет. Не меркнет, чтоб его.

Да.

Во дворцах.

4

Пятеро въехали в селение при родниках рано утром. У них был запыленный вид, но все говорило о том, кто они и кому они служат – и одежда, и птицы, у которых было одинаково синее оперение, и то, что они были одинаково вооружены – ружья, трубки и длинные ножи.

Старший разговаривал с людьми, не слезая с птицы, брезгливо глядя на тех, кто его встречал. Еще бы ему не кривиться – старейшина заперся в своем доме, а на переговоры послал жену и мать, которые, правда, умели считать. Ему было чего бояться.

Поблизости держалась сахри, девица из этих, безымянных – она необходима была при расчетах, не потому, что умела считать, а потому, что так было положено. Два десятка лет назад сахри была бы очень полезна при торговле или споре. Но кто теперь верит, что сахри может видеть правду? А по правилам положено, вот она и стоит. Без нее сделка незаконна.

Да, и если бы эти, в форме, пожелали не только отдохнуть и поесть – кто за ними присмотрит? Они будут задирать, а то и ловить за волосы твою жену? Твою дочь? Нашли дураков, как же! Так что пусть эта... стоит и смотрит. Может быть, гнев высоких гостей будет ей потом смягчен...

Все кончилось бы хорошо, если бы несколько дней назад здесь не побывали трое людей в еще более запыленной одежде и на разномастных птицах. Они потребовали дань, которая полагалась сегодняшним гостям, а если бы им попытались не отдать – забрали бы силой. Старейшина очень сильно раскаивался, но ничего не мог поделать.

– У меня записано – равнодушно сказал старший из пятерых. – Столько-то монет, столько-то цепей – из красного железа – и пять седел для наших птиц. Давайте, несите. Если вы прячете принадлежащее императору, не надейтесь на пощаду. У меня приказ.

– Мы не можем заплатить столько, – заголосила старуха.

– Тогда мы возьмем все.

Жена старейшины бросилась под ноги сборщикам и пустила слезу. За ней последовали остальные.

– У нас нет ничего, совсем ничего больше нет... – кричали они, валяясь в пыли. – Пощадите, господин! Ничего нет! Уже ничего не осталось!

– Ничего нет, а?

Немного рисуясь перед своими людьми, старший из пятерых отстегнул от седла короткое ружье.

– Хорошо. Тогда у меня приказ.

Слаженно и четко пятеро дали залп. Старуха и жена старейшины упали в пыль, и маленькие молнии заплясали над ними.

Безымянная сахри посмотрела на убитых и подняла руку, защищаясь. Может быть, человек в седле хотя бы испугается прежних правил до того, как...

И молнии растаяли.

У всех, кто выглядывал из окон, трясся от испуга, падал в пыль вниз лицом, страшно, сильно болела голова, а глаза горели, как от долгого плача. Поднялся долгий, невыносимый детский вой, и некому было зажать оборвышам рот. Некоторые старики попадали замертво.

Последний из приезжих умер в пустыне через два дня, не в силах понять, куда идет. Птица склевала его тело и осталась жить при родниках.

Сахри завизжала и пнула труп стражника. Деревенские в страхе выглянули из домов.

Она подняла на дороге оброненный сборщиком диск. Диск не ударил ее.

Я могу ловить и делать молнии, сказала она, и дети смогут то же. Все в нашей деревне и стране, только не в столице – принадлежат императору. Но я победила стражу и делала то, что может воплощение богини Ланн, хранящей железо. Значит, я не как вы! Я – Сэи-ланн! Я никому не принадлежу!

Все и раньше говорили ей это: что если она сахри, отверженная, то она никому не принадлежит и никому не нужна. Она обязана лечить людей в деревне, потому что умеет это делать, а деревня обязана ее кормить. Но никто не стал бы говорить с ней, как с настоящими людьми, до этого дня. А теперь она повторяла эти слова и смеялась.

Деревенские и боялись, и роптали, но только один смог кинуть камень, не долетевший до Сэиланн. Толпа боялась молний, ведь у Сэиланн не было ни ружья, ни тот-камня, но она и до того могла двигать железо, делать так, чтобы невыносимо болела голова, а теперь стала опасна. У старосты был шрам, который остался от раскаленного железа. Поэтому и детей у сахри было только двое. Испугается тебя, не пустит к себе – будешь ходить безумный, пойдешь – жена не простит.

Кормить ее и то становилось накладно, но деревне было от этого хорошо. Слабого мага кормят и попрекают куском, сильного – кормят и боятся. Хорошо, когда есть люди ниже нас.

Но боги, свежевывулупившиеся, новенькие, как монетка, боги, часто относятся к людям, как пауки к скутам-многоножкам. Если и вправду ее теперь зовут Сэиланн, то она – богиня. Раньше она была личинка богини, как раньше многие до нее.

Сэиланн обрезала волосы – здесь о деревенских женщинах говорили, что у них не волосы, а шерсть, как у мелких зверей – и немедленно испугала этим соседок. Она надела красивую одежду стражников – на стражниках была красивая и почти чистая одежда – и сандалии, хотя никогда в жизни не обувалась. Старейшина вынес ей на вытянутых руках свое сокровище – большой тонкий платок. Затем она кликнула своих мальчиков, поймала ездовую птицу с синими перьями, оставшуюся от стражника, прицепила к ней деревенскую волокушу, собрала пожитки, и птица понеслась по дороге, поднимая пыль.

Хорошо, хорошо, что она ушла, – сказала какая-то старуха, глядя на солнце из-под руки. И все, кто там был согласился с ней; очень хорошо, что она ушла.

Все помнили: даже самая малая личинка богини – это погибель. Настоящая, огненная погибель. Хуже того: это безумие.

5

Сегодня у посланника намечался свободный день.

С утра его разбудило пение труб. По улице, довольно далеко отсюда, проходила какая-то процессия, несущая флаги. Катились повозки на потешно огромных колесах. Из окна башни были видны пестрые одежды горожан, разноцветные лоскуты, блеск инструментов – надо же, здесь тоже есть медные духовые – и какого-то безумного, косматого старика, который бесновался во главе процессии, выкрикивая неразборчивое.

Таскат потер лицо ладонями, просыпаясь. И кофе нет...

В дворцовом квартале, где стояла отведенная ему башня, все ночи были беспокойны. Он понимал, что здесь, по словам предыдущего посланника, все довольно архаично. Иногда в садах, окружавших башню, раздавались странные и жуткие крики. К неосторожному прохожему тянули зеленые лапы папоротники, его пугали темными сплетениями воздушные корни. Иногда в окна, не закрытые ничем, влетали маленькие зубастые птицы, похожие на птеродактилей давней эпохи. Птиц побольше держали вместо домашних животных, и он мог бы приручить такого... Но монотонная переключка стражи могла запросто свести с ума.

Очень хорошо. Для сходящих с ума иноземцев в чужом краю существовала специальная служба. Министерство поддерживало практику «связных», помогающую сохранить государственные тайны, не налагая на посланников обет молчания. С давних времен любому посланнику, уезжавшему на дальние земли, полагался штатный психолог.

В сущности, никто не мешал переписываться с семьей и друзьями, что иногда и бывало – но кто стал бы в здравом уме выкладывать семье все, что случилось за день? И кто стал бы рассказывать подробности работы? Так можно запросто потерять и семью, и работу.

Значит, пора написать очередное письмо. У Таската был богатый опыт общения с такими друзьями по переписке, накопленный за годы службы в дальних краях.

Этого человека Таскат еще не знал. Удастся ли сделать этого – хорошим другом, знакомым – или это опять будет запрещено? Он любил заводить новых друзей, но старался, чтобы эта особенность его характера не мешала работе. Здесь с этим как-то пока не клеилось, так, может быть, Ро-мени?..

Он даже не знал, как выглядит тот, кому он поверяет свои мысли – не положено. На этом стоило сосредоточиться. Может быть, все, что нужно, промелькнет в письмах между строчек, детали проявятся в ответах на его рассказы, а печаль исчезнет, и вместо нее придет привычная радость, знакомая тем, кто разгадывает загадки...

В приятных размышлениях прошло полчаса, необходимых для сосредоточения.

Затем он прижал к груди левую руку, чтобы обозначить биение сердца, ввел код на запястье, открыл видимый глазами лист и написал в воздухе:

Уважаемый Ро-мени! Простите, что редко пишу.

Я тоскую.

Когда я впервые появился здесь, мир был иным, да и город – гораздо веселее. Библиотека, собранная мной тогда, состояла, согласно инструкции, из каких-то простейших книг, даже – детских. Я собирал и взрослые книги, и безделицы. Но в мое отсутствие в ней кто-то изрядно пошарил, впрочем, ничего не изымая. А теперь я, закончив одно дело и взявшись за другое, обнаружил, что мне здесь больше нечего читать. Новые книги просто неинтересны.

Куда-то пропали все слова, кроме тех, что произносят вслух, слов, нацарапанных на камнях караванной площади, и здешних газет-листочков – представьте себе, здесь не только издают

газету большим тиражом, в один листок, но и традиционно пишут на глиняных табличках на площади: стилем по мокрой глине, а вечером все сбивают и стирают. Жить без книг я не привык, пришлите мне новинок, прошу вас.

Как вы помните, для нашей культуры довольно важно «веселое знание», так же как для вас – «серьезное знание». Вы, как землянин, меня поймете. Эн-тай не может не играть, а такой несерьезный эн-тай, как я – не может не работать. Там, где я бываю каждый день, веселья совсем нет, впрочем, как и серьезного знания, доступного каждому. Это печально. Остается только работа...

Последнее время я перебираю в уме устройство этого общества, как дети перебирают камушки, и прихожу к выводу, что здесь что-то не так.

На первый взгляд все знакомо.

«Истинные» люди – почти не люди на фоне прочих: они одеваются просто, лаконичны в жестах, следуют сложному этикету и даже живут не как все – там, где не строятся обычные люди: не найдешь аристократа, который стал бы селиться на плодородной земле, в удобном месте, и строить свое воронье гнездо так, чтобы старик или ребенок могли пешком подняться по лестнице, не уставая.

Правда, говорят, на юге селятся среди ручьев и рек и окружают любые башни садами, наплевав на зримое превосходство. О, эти водяные мельницы, окруженные желтыми вспышками камнецвета водовзводные башни и огромные колеса подъемников!

Императорские сады, кстати... но я отвлекся.

В силу своего положения я не могу заговорить с низкородленным так, как человек говорит с человеком, и не могу точно знать, как живут люди низкого рода.

Есть слуги (ар), ремесленники (почти то же самое, что слуги) и белая кость – благородные. Их всех я вижу со стороны. Иногда сельские господа требуют себе жертв, как мелкие божки, настолько белая у них кость. Странно то, что купцов или торговцев не считают за отдельное сословие. Купцом или торговцем может быть и слуга, который оставляет себе довольно большую часть прибыли, так как часть, которую не отдают господину, облагается меньшим налогом. Многие, навсегда вышедшие из роли слуг, живут в особых кварталах (мастерские в длинных домах) и образуют артели.

Но место между благородными и низкими людьми обычно кто-то занимает!.. Мастера, посредники, лекари, писатели, артисты... Где они? Любой писатель, любой артист – чиновник. Мастер – это ремесленник. Может быть, маг стоит между ними?

Возможно, здесь между сословиями – жрецы. Совет – или содружество – жрецов был создан недавно, они называют его Сахал. Но то, что я наблюдаю, никак не похоже на традиции жречества. Я не видел самих магов, но видел результаты их труда. Раньше жрецов было очень мало, а магов – много!..

Откуда-то взялась масса людей, влиятельных, сильных, вхожих в любое общество, которые появились неизвестно откуда и заправляют множеством дел. Они значимы так же, как высокородные, и высокородные их боятся. Меня это коснулось дважды: когда вместо простой и понятной процедуры подписи документов меня заставили поклясться, заведя в какой-то подвал, где пахло озоном, и когда в ответ на один простой вопрос мой собеседник вдруг начал кричать, оглядываясь, противоположное тому, о чем говорил минуту назад. Содержание разговора вам пока что будет неинтересно.

Эти люди устраивают множество праздников, строят башни, где стоят какие-то домодельные катушки и горят огромные лампы, и, кажется, прибрали к рукам монополию на элект-

тричество. Мне еще нигде не встречалось обожествление электричества. Теперь не может быть и речи о том, чтобы открыть кому-то так называемые тайны его производства.

Теперь засекречивается что попало, а потом они называют магией лейденскую банку. О магии я вам уже недавно писал.

Меня беспокоит эта смена традиций, произошедшая так быстро. Когда я уезжал, я наблюдал примеры самой настоящей магии. Но сейчас я их не вижу.

Такие вещи – признаки эпохи перемен, а это было бы нам совсем невыгодно. Как бы не вспыхнуло что-нибудь, из-за чего пришлось бы сворачивать дела.

...Между тем новоявленное жречество, составляющее Сахал (те, из-за которых существует запрет в городе на искусственное электричество) радуется, как умеет. Я видел множество приспособлений для того, чтобы пугать, удивлять и радовать, но не объяснять.

Все это покрыто тайной и находится за семью печатями. Маскируются эти господа чрезвычайно ловко – если бы я не знал, как пахнет воздух после старинного фейерверка, я бы испугался, как и все, кто были на празднике в императорском саду. А ведь там был цвет общества, образованные, умные люди!

Боюсь, все, что сможет предложить мне любой из этих проныр, «поклоняющихся науке» – эбонитовую палочку, громоотвод и шутиху, набитую порохом. Даже бомба – как оружие – ими еще не изобретена. Скоро соберутся.

Но где же те, кто мог творить все это просто усилием воли?

Я в затруднении. Не достать больше ни литературы годичной давности (не сохранил), ни даже достоверных вестей. Все куда-то пропало. Полгода прошло! Я уехал из одного мира, а приехал в другой.

...Я бы сказал, что магов не существует, но все доказательства, полученные мной по приезде сюда, просто-таки вопиют о том, что магия – есть. Буду кощунствовать и скажу, что два года назад департаменту по контактам надо было заниматься не концессией по доставке редких металлов, а тем, чем я занимаюсь сейчас.

Перед этой тайной я очень виноват, виноват даже тем, что уезжал в район шахт, занимаясь этими проклятыми компьютерами и автоматами, а слухи о каких-то изменениях, находясь близко ко дворцу, пропускал мимо ушей.

Если бы можно было купить информацию – я бы, несомненно, купил. Но кто это покупает? Когда сидишь слишком высоко, ничего не спросишь запросто. Обидно то, что прямых вопросов задавать нельзя. Все уже случилось, случилось быстро. В моем случае не спросишь человека на улице, куда пропали все колдуны. А ведь не так уж я и приметен, мог бы и притвориться жителем отдаленной провинции. Говорить об этом никто не хочет. Они «однажды исчезли» – приблизительно тогда, когда я уехал.

Некоторые богатые дома сейчас стали выглядеть очень бедно, к некоторым пристроены какие-то нелепые сооружения, мостовые почти не чинят, богатые люди сетуют на то, что хорошего портного или дрессировщика птиц не найти днем с огнем... надо полагать, без магии обходиться тяжело.

Появилось много объявлений в уличных листках и «Общей газете», которые с необычным пафосом предлагают такие элементарные вещи, как откачку воды из подвалов, заверение документов, знакомства молодых людей, доставку продуктов на дом и охрану. Читать напечатанное там я могу в любом случае.

Когда я проговорился о своем интересе, беседуя с хорошенькой девушкой, мне пришлось давать ответ некрасивому мужчине в годах, который дипломатично указал мне на то, что с девушками беседуют о других вещах. Будь это ее отец, я бы понял.

Такие вещи возбуждают азарт. Но раз уж кому-то становятся известны мои разговоры с девушками... Как мне действовать?

Где искать настоящих магов, я не знаю.

К труду, присланному вами ранее, здесь пришлось бы приписывать комментарий с поправкой: здесь новоявленное жречество пытается искоренить волшебство.

6

По караванному пути не спеша тащилась огромная ездовая змея.

В седле, укрепленном ближе к шее, как заведено у южных племен, сидел старый, косматый, длиннобородый сэх – сказитель.

Если бы кто-то мог его видеть, то очень удивился бы; не змее, не тому, что у старика было несколько объемных выюков, а простому несоответствию – отчего это старику, которому стоило бы сидеть в кочевье, обремененному множеством невесток и внуков, вздумалось пуститься в путь одному?

Кроме того, уже несколько лет в этих краях не видели ни одного сэха.

Когда показался большой камень с выбитым на нем знаком, сэх похлопал змею по шее: давай, подруга дорог, остановись-ка!

Змея недовольно зашипела.

– Надо, надо.. – проворчал сэх.

Костер разгорелся быстро. Сняв один из выюков, сэх побарабанил пальцами по толстой коже змеи и свистнул.

Змея развернулась и исчезла в темноте. Скоро она вернулась с тушкой подземной птицы.

– Хорошо, хорошо... – пробормотал сэх, глядя чувствительный кончик носа своей подруги и капая каплю настоя на раздвоенный язык.

Пока змея зарывалась на две трети в песок, он свеживал добычу и бормотал себе под нос слова, думая о том, что вот это – неплохо бы записать. Слова просто так не приходят.

Время камней на дороге настало сегодня
Флаг, оплетающий камень,
утром был поднят
рукой
убитого в пламени
каменной
крошкой рассыплется в пыль дорога
нас не трогай
выпей кровь родника, только нас не трогай
не придется
воевать, уставать, колдовать и сменять времена мановеньем руки
тишина
ни одна не звенела струна, пробуждая ростки
не проснется
в сером пепле зерно, города положи под окно
я очнусь
с первым словом зари, только ты обо мне говори
кто твой предок
неужели он родич и мне
если предал
то зачем просыпаться, тебя обиходят во сне
нет сильнее
тяги крови, дороги, камней и песка
не тягайся
отринутый

с нею

ты уходишь, и тень твоя будет легка

Перед его взором поплыли древние развалины с их ржавым железом и потаенными камнями в засыпанных песком подвалах.

нас качает
небо, звездные реки на тронах Руки
обещают
унести до рассвета чужие клинки
будут копья
дайте змею коснуться небес языком
рвутся корни

корни камня подрить рукотворным клыком

что за боги
что за люди уснули за нашей спиной
спят, не трогай
говорили – за родича встанем стеной

примелькайся
не кричи – реки неба уносят чужие клинки
просыпайся
нас ждут у реки

«Это» явилось ему во сне, ясно и четко.

Нужно было только разобраться, что «это» значит.

Он сел, склонился над листом и начал записывать. А не погадать ли по буквам? Кто кого должен ждать, у какой реки? Хотя, знаю, на границе с Айдом есть подходящая река...

Уж очень трудные слова, чтобы гадать по ним. Записывать будет проще.

7

Сначала возник свет за закрытыми веками, потом – звук.

Четвертый, поэт, не успевший вырасти, подросток двенадцати лет, лежал и вспоминал, что случилось что-то страшное. Что именно, он не помнил, но, кажется, это прошло.

Поэтому можно было лежать и улыбаться.

Потом кто-то пихнул его в бок.

– Ты кто? И что это ты тут валяешься? Вставай!

– Я? – Он открыл глаза и поднялся. Вокруг был совершенно незнакомый город. Кажется, даже не город вовсе. Башни не было. Кругом стояли низенькие дома, а за ними были горы. Красная трава.

– Ничего не понимаю... – пробормотал Четвертый.

У человека, который на него смотрел, была смуглая кожа с отливом в красный, как будто его обласкало заходящее солнце.

Он вспомнил.

– Слушай – обратился он к человеку, который смотрел на него странным взглядом. – Я понимаю, что я умер...

– То-то я смотрю, ты какой-то серый... – пробормотал бедняга, пялясь на него во все глаза. – Эй, люди! Он появился из ниоткуда прямо на поле! Помогите! Помогите! Мертвец!

– Кто? Какой такой мертвец? Я живой! Ты понимаешь, я снова – живой! Я снова...

– Мертве-е-е-ец! – закричал человек и побежал со всех ног, а из ближайших домов выглянули испуганные, злые лица.

Ночь он провел запертым в сарае, а утром его расстреляли из луков, как он ни старался объяснить им, что такое милость его бога.

Второй раз он пришел в себя там, где ничего не болело, был абсолютно белый свет и очень холодно. Что это такое, он не понял, но помнил, что там тоже были люди. Он не знал, виноваты ли они в том, что он теперь мертв.

Третий раз его просто зарезали, когда он вышел в пустыне к костру, у которого сидели заросшие бородами путники.

Четвертый раз он воскрес в каком-то тихом городском закоулке, сидя и бессмысленно перебирая шерех, и ухитрился оставаться живым два дня. За это время он вспомнил все, попытался прийти в себя и успокоиться, чтобы не начинать плакать обо всем сразу – о смерти учителя, о смерти братьев и о том, что люди не такие, какими они показались ему.

Сидя ночью у какого-то глиняного забора, он рассеянно чертил на земле что-то, будто бы в классе искал заново доказательство равенства треугольников, и думал, что что-то не так, как должно быть. Почему оживал только я? Ведь учили нас всех, четверых.

Убили нас одновременно. Чего хочет бог грома? Чем я лучше или хуже остальных? Им так же плохо, как и мне.

Может быть, когда кто-то из нас оживает, возникает какой-то знак, и по нему я смогу понять, что они рядом. Может быть, они тоже живы? Надо беречься, надо вспоминать все, что получится вспоминать, а если убьют снова – надо подниматься и жить. Иначе как они найдут меня?

Он долго вспоминал братьев, пока не уснул.

Утром случилось то, что могло случиться в любой момент. Катились колеса, город просыпался, пыль забивала горло. Он услышал крики и шум и побежал в ту сторону, где, как показалось, сверкнуло. Это они? Может быть, наконец повезло?

Не повезло.

Вор! – закричал какой-то громила, увидев бегущего через рыночную площадь подростка. Толпа сомкнулась вокруг.

Унижение уже не убило его, убила сломанная шея.

Четвертое – мертвое, шептал он про себя, проваливаясь в смерть, в темноту, которая его обнимала. Четвертое – мертвое.

Нет, отвечала темнота. Живое. Живое.

Когда он падал в смерть следующий раз, а еще – следующие несколько раз, на самом дне смерти ему чудились нити основы гобелена, огромного гобелена, бесконечные, похожие на струны лиры. Он трогал их, и памяти прибывало.

– Можно, я больше не буду умирать? – спросил он у тех, кто собирался выткать его снова.

– Мы тебя не создавали... – удивленно отвечали они. – Мы можем соткать тебе новое тело.

– Давайте... – обреченно вздохнул он. – Я прошу вас, только не больно. И не холодно. Очень прошу.

– Мы постараемся... – отвечали ему голоса.

На седьмой день он отдыхал.

жарко

холодно

жарко

ночью холодно

днем жарко

ночью очень, очень холодно

В воздухе плыли длинные ленты песен, доносившихся издалека. Их нес порывистый ветер, глядя разноцветную чешую. Было темно, и волны тонкого песка несли на себе камень, как корабль несет море.

Руины который век – говорили – заметало до самого края.

Есть край вдалеке от караванных троп, говорили. Не спи, говорили, в седле. А кто-то устал и спит, и постукивает по упряжи древко притороченного копыя, и скрипят ремни и кольца, и волны пустыни качаются, качаются, качаются...

Существо И-Ти свернулось кольцом, вздохнуло и обратилось к собеседнику, не надеясь, что тот услышит.

– Я люблю людей...

Собеседник, похожий на камень, стоящий столбом, неожиданно отозвался:

– Как?

– Что-как? – недовольно пробурчало существо И-Ти. По его радужной чешуе прошла дрожь, и яркие блики заволокло дымом. – Люблю.

– Есть?

– Нет, спать. Люди спят. И я сплю. Мы могли бы поговорить. Но мы не говорим.

– Почему не говорим?

– Люди убегают. Ни один человек не заснет на песке рядом со мной.

– Почему люди убегают? – камень слегка накренился. Это означало смех. Но существо И-Ти плохо понимало, что такое смех.

– Почему люди убегают? Убегают? Почему? Люди? Люди?.. Камень раскачивался. Существо И-Ти хотело сказать что-нибудь еще, но он все раскачивался, и какое-то время они молчали.

– Не понимаю... – сказала существо И-Ти, зашуршало чешуей и заснуло.

Мимо шел караван, и раскачивались на ходу, прыгая, одноногие птицы, и седельные сумки, и волокуши, и кисточки сбруи, и потоки ветра высоко в небе качались, и качались чахлые растения у колодцев, и пели звезды, и звенели бубенцы, и люди в седлах – спали.

8

«Ты знаешь, все, что летает, плавает, бегают и ползает, называется «орх», то есть «птицы» – говорил во сне голос, смешной, мягкий, важный и уже надсаженный.

Да, птицы – ответил в полусне вождь племени карамов. – Да. Кто здесь? Кто здесь мешает мне спать, понося неизвестных мне птиц?

– Такого сборища тварей, оставшихся со времен древних ящеров, я еще не видел! – продолжал разоряться невидимый голос. – Количество конечностей – от одной до пяти – вызовет ужас у любого специалиста. Чаще всего это, конечно, змеи, ящерицы и те летающие формы, которые уже обзавелись перьями, но не потеряли зубов.

– Что? – вождь потряс головой. Впрочем, в этом сне у него не было тела. Слова у него были, а тела – не было.

– Большинство из них изучены, а одомашнены – почти все, которые могут послужить человеку. Звери большей частью не одомашнены и очень мелкие. Хотя и эти прекрасные создания – не очень крупные. Самая крупная форма – это или сказочная Глубинная Смерть, или то существо, которое я видел во сне.

Так ты мне снишься, пробормотал вождь, на шаривая копьё. Должно быть, это чей-то сон из другого времени. Ты мне снишься. Уйди. Заколю.

– А небо отражает сны, как волны? – изумился голос. – И они прилетают не туда? А как это?

Вождь зарычал.

– Хорошо, уйду – согласился неизвестный голос. – Надо же, я и во сне пишу эти проклятые письма.

Перед глазами вождя в полудреме предстал лист бумаги, по которому ползли, как песчинки по гладкому зеркалу, черные строчки:

«Мир пустыни, судя по всему – самый интересный и самый разнообразный. Именно там водится все, что бегают и ползает. Не знаю, как могло такое случиться, но большая часть этой жизни сосредоточена под землей – змеи, ящерицы, черви, мелкие зверьки, знаменитые одноногие птицы и пустынные прыгающие камни-моллюски (подумать только!) и даже подземные птицы, узнав о которых, я подумал, что ослышался или сошел с ума. Но у этих созданий голова с зубастым клювом, развитая сеть нор, рудименты крыльев, и живут они стаями!..

Все это я начал узнавать, когда сидел на рудниках, обслуживая эти проклятые машины, и продолжил, вернувшись в столицу. О джунглях и лесах пока ничего не знаю»...

Вождь проснулся и потряс головой уже наяву. Все хорошо. Просто ему снился навязчивый чужой сон. От этого надо было отделаться.

Какие еще рудники? Кто видит этот проклятый сон? Я песню пишу.

...Если смотреть глазами змеи, это выглядело так: по огромному пространству светло-желтого с прозеленью листа двигался черный блестящий кончик острой палочки, оставляя за собой мокрый след. След вился прихотливым узором, и лист под ним темнел. Возможно, стоило уползти. Но маленькую ахи пока что никто не пугал.

Вокруг было темно... почти темно. И прохладно... Нет, не влажно. А там, откуда она появилась – очень жарко и очень светло, и мимо постоянно проходили обладатели огромных ног, обутих в жесткие сандалии. У колодца в этот час стояла уйма птиц и людей. Пришлось спасаться здесь.

Черная веточка замерла.

– Эй ты, веревочка! – пророкотал низкий разбуженный голос. – Эй!

Ахи, конечно, не услышала ни звука, змеи ничего не слышат. Но ей помогло то, что по коврику похлопала темная сухая ладонь, двигавшаяся с той же быстротой, с какой ее собственный язык касался подозрительного листа. Хлоп-хлоп... И полмига не прошло.

Ахи – маленькая, серая, с узором, похожим на переплетение черных лент – отползла от пишущей руки и обвилась вокруг походной чернильницы.

На утопанном полу шатра была расстелена циновка со вплетенными перьями – «коврик мудрости».

«Там, где песок заплетают в косы ветров вихри смерчей, там, где жить нельзя, а можно только двигаться вперед... Так мы и живем, в это мы и верим...»

Или было не так?

Как же в этой песне было? – думал он и не понимал. Поешь, поешь за певцом, повторяя на ходу, а потом вдумаешься в слова... И петь не хочется.

Почему «жить нельзя, можно только двигаться»? Кто придумал этот бред? Зачем еще как-то жить, не кочуя?

Вождь маленького племени вспоминал длинную жалобную песню, услышанную на днях. Раз уж с караваном привезли тряпичную бумагу, надо хотя бы попробовать. А раз попробовать, так на чем-нибудь прекрасном. Хотя бы на этой песне.

Здесь вождя поджидало знакомое разочарование. Музыка на листе не помещалась. Ее нечем было записывать – «черточки и точки», расставляемые над словами, для всего богатства звуков не подходили, и можно было только приблизительно наметить над парой знаков, с какого звука начинается работа горлом.

На листе оставались буквы, а буквы складывались в неожиданно глупые и странные слова. И песня без музыки, нелепая, бескрылая, выглядела так убого, что вождю стало жаль бумаги, и он чуть не скомкал опозоренный лист. Как в чужом сне.

Вот какая коварная вещь – песня! Можно ли сочинить хоть что-то, чего не высмеют бумага, чернила, воск и стило? Истинно сказано, умение писать – для битв и торговли, а мудрые люди не записывают песни, как городской ростовщик – доходы. Они их поют.

– Старый пришел, Старый! – донеслось с улицы.

Вождь, кряхтя, поднялся с циновки и выглянул из шатра как раз затем, чтобы увидеть, как в селение торжественно входит Сэхра, старейший из оставшихся в живых сказителей. Вот так-так!..

Он был окружен гомонящими детьми и толпой молодых парней – женщины постарше чинно следовали за этим весельем, чтобы никоим образом не уронить себя, а мужчины отвернулись и сделали вид, что ничего не происходит, хотя и мужчины любят слушать сказки; но уж кто-то, а Сэхра знал, что любой в этом селении горько плакал бы, лишившись живых картин и занимательных историй.

Вождь с трудом удержался, чтобы не бежать со всех ног, как мальчишка. Он распрямылся, степенно подошел, положил старику руку на плечо и слегка встряхнул его – не стоит все-таки забывать, кто из них двоих вождь.

– Здравствуй, здравствуй, старейшина всех плутов и тэи наших детей! Какими судьбами тебя занесло через барханы к нашим водам? Сколько лет уже прошло с тех пор, как вас чуть ли не всех переловили, а ты все ходишь!

– Ходим, бродим! – отвечал Сэхра, пошатываясь от дружеской ласки. – Сегодня я тут, а завтра – за десятой тропой! А ну-ка, для чего мы ждем гостей? – крикнул он, обращаясь к толпе, и поднял руки.

– Для хороших новостей! – хором закричали все, кто еще не подрос достаточно, чтобы принять важный вид, а мужчины наконец расхохотались, показав, что и они замечают этого негодного старика. Теперь можно было принимать сказителя с почетом и выставлять ему угощение.

Вокруг прыгали и бесновались дети. Вождь сжал плечо старика.

– Что за новости, Сэхра?

– Плохие новости – тихо ответил сказитель. – Готовься, друг. Одно хорошо, что речь не о войне.

Вечером Сэхра рассказывал в большом шатре о том, какие есть большие города, а в них вот такие палатки и вот такие дома, и вот такие вот башни, и вот такие, прямо как замки господ, только выше, стены, и еще теперь все колдуны, кто учился старому ремеслу, переходят на службу к императору, а чаще – умирают, умирают толпами, так что ты, вождь, берегись! И ты, юный друг, тоже. С этими словами он потрепал по голове маленького Таи, которого в прошлом году обещал взять в ученики, если тот все-таки переживет год – уж больно слабым он был.

Сейчас, правда, будущий сказитель был сильным и здоровым мальчишкой – так на то и талант, чтобы лечиться самому. Желтые полотнища колыхались по велению слов, и блики огня плясали на них.

Вождь в ярости вздымал кулак и хохотал, а сам в уме уже прикидывал – далеко ли до соседей-иллу? Стоит ли в этом году вести караваны в ближние города, и кому их вести, если не Тахиту, пронире и колдуну, который может открывать старые колодцы, знает фальшивые монеты и чувствует приближение смерча?

И кому говорить с женщинами, чтобы все-таки убедить их отдать Сэхра, этой серой подземной птице, своих детей? Ведь если он пришел с этой новостью, не жалея старых ног, то пришел не зря. Кого-то да уведет. Сэхра приходит, когда нужны ученики, и уходит, когда учеников не остается.

На закате старик рассказывал сказку про поэта, воспитанника одного тэи – четверых воспитал, а только один унаследовал дар, так что теперь этот человек все время оживает, и убить его невозможно – а потом начал складывать слова, пытаясь колдовать ими. Ими колдовать не получалось. И правильно, кто же колдует словами? Надо вот так, Таи, покажи! И Таи поднимал на ладони маленький шарик пушистого тумана, а в шатре начинало пахнуть водой.

– А откуда ты знаешь?

– Я видел во сне – многозначительно сказал Сэхра и почесал нос. Но живых картин показывать не стал, объясняя, что не все стоит показывать в живых картинах, и вместо этого почему-то начал болтать о тех временах, когда все его учителя и друзья были живы, а боги и богини являлись чуть ли не по пять раз на дню.

– Да-да! – говорил он. – По пять раз! И, надо сказать, не все они были безумны и яростны. Богиня появлялась, перерождаясь, как жук перерождается из личинки, из сотни новых сахри выходила одна. Утром она умрет, а вечером – вечером родится новая богиня! А где богиня, там и бог! А где они оба, там и... плоды неба и процветание!

Женщины хихикали.

– А из кого получают боги и богини?

– Из людей! – отвечал какой-нибудь бойкий птенец. – Не из чего больше!

– Ну, сейчас уже не совсем так... Сейчас, говорят, Тэи бывают и высокородные... – сомневались те охотники и охотницы, которые в прошлом году ездили с караванами – далеко! – и торговали с высокородными людьми. – Они тоже могут унаследовать дар и научиться быть, как боги. Но они-то не настоящие, конечно, как мы! Нет, что ты, а первый император-то... Священное величество...

– Да разве они будут колдовать, как мы? Разве они что-то умеют делать сами? Они и так корчат из себя невесть кого, особенно если живут в Аар-Дех. Не едят при простых людях, не входят в дома простых людей, живут в башнях, подальше от земли, и пальцем друг друга не трогают, если любят – не прикасаются! Может быть, и детей выкапывают из-под земли! Или зовут колдуна и просят: «слепи мне дитя»... А?

– Да, из арата слепи, колдун... Чтоб помягче нравом было! Чанка-личинка!

Все смеялись, и сэх продолжал:

– Так куда же в этом мире без тхи, колдуна, схени, посвященной в законы, или просто сахри! – смеялся сказитель. Без сахри не появится богиня. Вот ты – он ткнул пальцем в жену охотника – точно стала бы сахри, огненной, любила бы, кого в голову взбредет. И дожила бы до того, чтобы сделаться богиней. Огня-то в тебе на десятилетиях!

– Ну уж, и стала бы такой! Ты кого так назвал! – возмутилась молодая. Вокруг захохотали. Они знали, как живут убогие предсказательницы и знахарки там, где люди сидят на земле, где растут бобы и собирают головки хвоща.

– Поосторожнее! – погрозил пальцем старик. – Это теперь всем клевать, и колдуньи живут подаянием, пытаются вызвать дождь и достаются всем мужчинам подряд. А раньше ходили и выбирали, как императрица выбирает слуг... Сахри так слабы, потому что уже несколько поколений среди них не появлялось сэи-личинки. Теперь и бог, когда появится, ослабеет – как же ему без богини? А слабым в мире места нет...

И все закивали головами и согласились, что в мире слабым места нет, а кто слаб – не проживет и ночи. Страшно, страшно за людей и богов.

На следующий день вождь собрал у водоема женщин и долго уговаривал их – не кричал, не приказывал, а говорил, убеждал и упрашивал. А с рассветом следующего дня старик увел от оазиса тихий караван, без бубенцов и ярких длинных флагов. Огромный груз несла его змея, несла не в тюках, не на хребте – души, исполненные тяжести, не увезет и змея.

И нескольких девочек, которых матери отдали без возражений – зачем в семье лишний рот? – и охотника с женой Сэхра забрал с собой. Сказал, что ему нужен котел и нужна охрана.

Вождь посмотрел им вслед, вошел в шатер и, размахнувшись, дал пощечину старшему сыну, который отказался идти с караваном. А потом приказал принести свои копья и сел заговаривать то, которое досталось ему от деда.

У деда тоже была тяжелая рука.

9

Сэиланн уже который день была сердита.

В первом же поселке, который ей попался на дороге, она потребовала ночлега и еды. Детей она оставила в роще, а сама пошла за добычей.

Люди, к которым она обратилась, сначала не услышали ее, хотя она сделала все точь-в-точь как тот солдат: спрыгнула с птицы посреди площади и громко крикнула: «Эй, вы, и вы, и вы, немедленно то и то! И самое лучшее!»

Никто не отозвался. Она повторила еще раз, и прохожие начали смеяться. Третий раз она сама себя не слышала – так громко смеялись люди, собираясь вокруг нее.

Хорошо, что я не взяла с собой детей – подумала она.

Когда люди смеются, внутри начинает гореть, и становится больно. Люди не могут смеяться просто так. Они всегда чего-нибудь хотят.

Кто-то толкнул ее под локоть. Может быть, будут драться? Но этого нельзя позволять. Я же богиня?

– Развелось тут сумасшедших! Иди вон!

Толкнули сзади. Кто-то захохотал, захохотал так, что ее щеки вспыхнули.

– Ах, так! – рассердилась Сэиланн. – Так вот вам! Вот!

Она ничего плохого не хотела, она только рассердилась – и очень удивилась, когда начали вспыхивать один за другим эти злые люди. Потом начали гореть, медленно, как во сне, папоротники, ограды, лохмотья мха, свисающие с темных старых ветвей...

Она оглянулась – куда бежать? Откуда такое пламя?

Бежать было некуда. Огонь лизнул ее руку. «Сейчас сторю, сейчас...» – подумала Сэиланн – и перестала думать совсем.

Ей было грустно. Это была тяжелая, сокрушающая, черная грусть. Но не думать совсем оказалось очень удобно. Черная патока мыслей горела, как масло. Нужно было только стоять и смотреть, как они горят.

Горящие люди не отвлекались от обычной работы. Они брали ведра и шли за водой, собирали хворост, торопились пропалывать грядки... Им было совершенно все равно, что вспыхнет под их руками.

Следом запылали дома, сараи, оплавившись камни. Те, на кого не упал ее взгляд, когда она рассердилась, разбежались, крича и мешая друг другу – точь-в-точь, как расползаются перепуганные змеи – а потом и вовсе побежали, как жуки из гнезда.

Огонь задевал ее покрывала, и она шла через него, не обжигаясь, и кружилась, и танцевала, пока последние хлопья пепла не легли на землю. она откуда-то знала – такой огонь уничтожает все, даже камни и сталь, а о золоте и говорить нечего. Золота у нее нет, зато есть огонь. Надо же хоть чем-нибудь им заплатить.

Те, кто не убежал, казалось, не понимали, что они горят. Они не кричали, не метались, как вспыхнувшие форра во время пожара в птичнике. Они просто прогорели, как угли, а потом рассыпались в пепел. Это было тихо, быстро и очень страшно.

Она села, скрестив ноги, и начала наблюдать, потому что больше делать было нечего.

Стены, обложенные камнем, и тростниковые крыши рассыпались так же, как люди, легче, чем люди. Вот рассыпался огромный стебель, на конце которого плавилась цепь от колодезного ведра, летящая птица вспыхнула, распадаясь искрами, вот обозначился в дыму женский силуэт с поднятыми руками, двигался, двигался и растворился... Они были как горящие листья, легкие, поднятые ветром листья, негодные в пищу и ненужные для крова, шерех. И с каждым раз-

метенным в пепел домом, двором, колодезным рычагом, тростниковой крышей что-то отделялось от Сэиланн и растворялось в дыму. Сгорало все, даже кости. Она подняла руки к небу, поленившись встать, и поиграла с белыми хлопьями. Они были чистые...

Дом, рука, дерево, стена, лицо... Дом, рука... свет... лицо... Пепел поднимался тучами в небо. Становилось трудно дышать.

У них больше нет лиц, сказала Сэиланн. Им не больно.

Последним ей запомнился горящий человек, опускающий ведро в колодец, откуда поднимался столб пламени.

Мысли ее были очень короткие, как у детей. Она легла на теплый пепел и уснула, а когда проснулась, была полна сил, которые взяла из огня.

Дети пытались убежать от матери, но быстро вернулись, когда невидимая сила позвала их обратно. Огонь огнем, а в лесу всегда было страшнее. Сэиланн забрала перепуганных мальчиков и птицу и пошла прочь.

Зачем оставаться там, где тебя может рассердить что угодно? Зачем вообще сердиться? Так еще, чего доброго, что-нибудь сгорит.

Недалеко от деревни ее остановили трое людей с безумными глазами, которые падали ей в ноги и кричали, что умоляют простить их. Ради собственного спокойствия она сказала, что прощает.

Вскоре таких стало больше. Хотя откуда они брались, Сэиланн не понимала – деревни теперь она обходила стороной, посылая за едой троих своих первых слуг. Она положила руку на перила моста, и они оплавилась.

Скоро посылать за дровами и едой стало возможно и десять человек, и более, но более ей было не нужно. Ее мыслей хватало на пару часов вперед. День шел за днем, а дорога все тянулась, и она чувствовала только голод, желание огня и чужой страх. Желание сжечь что-нибудь удовлетворялось просто. Она больше не жгла людей. Она жгла встречные повозки, потому что так можно было не ждать.

И люди ее, и дети приоделись в то, что отдавали встречные.

Чужой страх ее раздражал больше, чем все остальное, но что было делать? Думать и то было тяжело.

Проклятия до нее, видимо, не долетали – может быть, потому, что страх перед непонятной девицей был слишком велик. Если бы у встречных были ружья и их было больше десятка, история Сэиланн прекратилась бы на этом месте и никогда не началась бы снова. Но ни у одного из встречных воинов не оказалось ружья – откуда в такой глуши возьмутся стрелки?

Она знала, что их края – глушь. В деревнях и поселках не было даже домов для воинов.

Так они шли, и шли, и шли... А некоторое время спустя утром, когда Сэиланн, дети и нынешние их слуги снимались с лагеря и собирались в путь, к ним явились гости.

Сначала сэи подумала, что это те недотепы, которые собирались утром вернуться с охоты – все люди казались ей сейчас на одно лицо – но у ее людей не было ни ездовых птиц, ни арбалетов, ни копий, ни ножей... в таком количестве. Они пробирались между деревьями, ведя за собой выючных птиц. Оседланные птицы неловко, мелко подпрыгивали, стремясь вырваться на поляну.

К ее костру пожаловал отряд лесных побратимов – из тех, кого еще в шутку называют веселыми странниками. Но «веселые странники» – это обычно те, кто сопровождает новоявленных богов в путешествии по дорогам страны, а у этих – свое веселье. Что копыта, что грабежи, что пожары... Меткие стрелки из арбалета среди них встречаются чаще, чем колдуны.

Поэтому сэи сделала все молниеносно.

– Ах ты, дрянь!

Воздух наполнился стонами и проклятиями. Половина отряда каталась по траве, половина еще держалась на ногах... Правда, при этом они держались и за голову. Человек, у которого перед глазами плывут красные круги, а сама голова гудит, как котел, уже никому не опасен. Нет, подумала она, хватит, если еще и кого-то сжечь, так вся голова сторит, огонь заменит все, чем думаешь, и разговаривать разучишься.

– Ой-ей... – вздохнул глава отряда, оставшийся невредимым, и ощупал какой-то амулет, висевший у него на груди. – Это же наша законная лежка. Мы тут с прошлого года место знаем.

Она улыбнулась.

– Ну ладно, теперь твоя... – отступил он. – Хорошо, тогда мы просто пришли в гости. Что, не видно?

– А кто ты такой, чтобы ходить ко мне в гости? – рявкнула Сэйланн. Ей теперь нравилось командовать слугами. Принеси то, давай это...

Глава отряда спешил.

– А кто – ты? – спросил он. Будет ли мне позволено узнать, кто у нас тут за...

– Я – Сэйланн – перебила Сэйланн. – Неужели не ясно?

Глава ухмыльнулся во весь рот, как будто встретил богатого должника.

– А я – Кейма.

– Кейма, Кейма – проворчала разбуженная Сэйланн. – Кто такой Кейма? Враг, который хочет есть? Садись к костру, у нас утро. И-и-и... Или ты сам хочешь стать костром? Хочешь? Не хочешь?

На лице Кеймы отразилось некоторое недоумение. Почему с ним вообще разговаривает эта... Эта... непонятно кто?... Да еще так невежливо?

Сэй хихикнула и потянулась поправить обгоревшие до половины покрывала. В ее глазах мелькнули огоньки, и Кейма вздрогнул.

– Благодарю тебя, богиня... Быть костром я не хочу. Но если ты голодна, я могу тебя угостить.

– Еще чего! – нахально заявила Сэйланн. – Это мой костер и мое гостеприимство! Ешь или проваливай! Убивать тебя или нет?

У Кеймы был такой вид, как будто он подавился. Она так и не поняла, почему – то ли ему было смешно, то ли ему было страшно. Сзади то с одной, то с другой стороны раздавались возгласы и тихий треск взводимой тетивы – это опоздавшие слуги безумной сэи выходили из леса, выстраиваясь полукругом за спиной гостей.

Он послушно сел, сложил руки на коленях и сказал:

– Я рад. Но если сэи не возражает, может быть, она пригласит и моих людей? Им как-то не по себе...

– Да – кивнула она, махнула рукой, и ошалевшие разбойники стали медленно подниматься с земли. – Только пусть несут гостинцы. Ты один, а их много. Ну!

– Садитесь, ребята, будьте как дома... – растерянно сказал глава. – И вынимайте, что там есть, из мешков. Кажется, нас грабят...

Подтянулись деревенские. Ловля у них не задалась. Но, глядя на хмурых побратимов, сидящих у костра, они оставили жалобы и принялись пожирать принесенное разбойниками. Кто-то хихикал.

Разбойники вздыхали.

– Ты, сестра, невовремя нам мешаешь – объяснял Кейма. – На нас объявлена охота. Недавно мы пытались поддеть на нож перевозчиков золота, но у нас не вышло. Нас приберут, если ты будешь нас обижать.

– Откуда в этих краях такие сокровища? – хихикнула она.

– Не знаю. Обычно один чиновник на пять или десять солдат, когда собирают налоги. А тут сразу десять штук, сопровождали какой-то груз. Мы думали, там золото.

– Значит, не взяли? – поинтересовалась сэи, прожевывая кусок мяса. – К нам тоже приходили. Стреляют, как плюют. Я их положила в пыль, тьфу! Нет, не так. Тьфу!.. вот!

Кейма с уважением поглядел на нее и откусил еще кусок птичьей ноги.

– М-м... Не отбили. Иначе бы знали, что там внутри. Это, часом, не за тобой приходили?

– Не знаю. Меня пока никто не хотел убить. Значит, я им пустое место. А я вам для чего? Лишних рук не хватает? Могли бы и попросить.

– Вообще-то мы собирались взять тебя в плен, если встретим – смутился Кейма. – О тебе уже всякое говорят. Но раз уж получилось так, что ты можешь взять в плен нас, могу я предложить тебе спастись вместе с нами? Наверняка тебя тоже будут преследовать, а я знаю повадки этих людей.

– Ладно – махнула рукой сэи. – останемся еще на день. Перебирайтесь поближе к нам.

– Зачем? – встрял один из лесных побратимов.

– Надо! – отрезал Кейма. – Мы должны защищать нашу добычу.

– А это добыча? – усомнился разбойник.

– Вон отсюда! – зарычал Кейма и схватился за нож. – Или сам будешь добычей!

– Да – подтвердила Сэйланн. – Еще как будешь.

Побратим пожал плечами и ушел.

Вечером усталый глава закончил свои объяснения

– Благодарю тебя, Кейма – покачала головой сэи. – Я узнала достаточно. Ты рассказал мне все о своих врагах, но даже не намекнул, откуда ты взялся. А почему у вас в отряде только парни? И позволено ли будет мне узнать, что это за амулет?

Кейма только моргнул.

– Ты стала говорить по-другому, сэи... – только и сказал он.

Сэйланн вздохнула.

– У меня есть детские слова и взрослые слова. Когда я сержусь, я говорю детскими словами или не говорю вообще. Я бью. Я сильно бью.

– Амулет старый, для ясности мысли. Отобрал у одного. А откуда у тебя такие взрослые слова?

– Иногда я слышу, о чем думают люди. Незнакомые, разные... Дети... Но для этого нужно оставаться спокойной. Так я научилась множеству взрослых слов. И лучше тебе говорить со мной взрослыми словами.

– Охxxx... – сказал Кейма, пододвинувшись ближе к костру. – Лучше и меня тебе не сердить, и мне тебя не сердить, Сэйланн.

Двигаясь с отрядом, она узнавала много интересного. Теперь от них не разбегались люди, не приходилось посылать людей на охоту, а с купцами, которые раз в пару дней попадались на дороге, можно было и поговорить, и купить еду. Купить еду!..

Как же велик этот мир!

В нем можно запросто затеряться. Стоило поехать хоть куда-нибудь, и сразу все кажется хоть чуть-чуть, а другим. Сразу ясно, что птицы бывают норовистые, люди – смешные, детей не оставишь на полдня одних, а чтобы тебя кормили, бить никого не нужно, и не обязательно никому кланяться.

Неделя прошла в постоянном движении.

За день уставали плечи, ныла поясница, тяжелая волокуша застревала на выбоинах, не хотела отцепляться от птичьей упряжи по вечерам. Она бросила волокушу на одном из привалов, и теперь дети ехали на краденой панта – большой вьючной ящерице с короткими рожами. Отряд шел медленно – среди побратимов были больные.

По вечерам повар ватаги готовил весьма вкусно, дети лезли вперед и требовали их накормить, и Сэиланн первые два раза настораживалась, но лесные вовсе не собирались доставать ножи и избавлять мир от этих детей. В деревне было гораздо хуже.

Еще бы, думала она. Я могу сжечь кого захочу. А они могут есть, что захотят.

Птица неслась вперед ровными скачками, небо валилось на землю, лес надвигался со всех сторон, и земля прыгала вверх-вниз, вверх-вниз.

Лес поредел. Мимо плыли и плыли день за днем папоротники, соли, ленты мха и винные деревья. По обочинам тянулись плети диких горьких тыкв. Трава могла быть метельчатой, цветущей, иссохшей, белой, голубой и зеленой, жесткой и жаркой. Не менялась только дорога. Дорога была неизменно пыльной.

Раньше она не представляла себе жизни за пределами своего поселка, в жару засыпанного пылью по горло, а в дождь – забрызганного грязью по самые крыши. Теперь оказалось, что в мире есть, говорят, и большие города, и города поменьше, и деревни, и поселки... И люди них настолько разные, что жизни не хватит их изучить.

Куда я иду? Зачем?

На привалах взлетали в воздух и опускались точно на свои места котелки и опоры для палаток, сами собой зажигались костры, иногда – падали деревья и люди хватались за голову. Она старалась быть осторожнее; все-таки эти люди шли вместе с ней. Парни Кеймы были из деревни, в которой начинали строить воинский дом – согласно новому указу, обучать ружейному бою забирали только крепких молодых мужчин, и тогда парни ушли в разбойники, все, кому хватило смелости.

Голова болела то и дело, иногда руки сжимала невидимая хватка, которую с трудом удавалось разжать. Никто к ней не подходил, кроме главы побратимов и ее немногих растерянных погорельцев, которые смотрели на нее с возрастающим уважением. Она слышала, о чем они думают – кто похрабрее.

Хорошо бы ее было как-нибудь прижать... Или мы не люди? Сколько хитростей у людей? А сколько ног у скуты?

Но даже скута прячется, если некому ее бояться. Потому что тогда становится ясно, что ее дело – поедать мух и пугать детей. И на свет из незаметной щели вдруг выходит паук, перелинявший за зиму, а паук побольше скуты будет. С две ладони, и ноги длинные.

А боги часто относятся к людям, как...

Как относятся к людям боги?

С Сэиланн творилось что-то странное. Этих людей не хотелось ни жечь, ни обижать, ни бить, как слуг, по лицу, ни посылать за добычей. Прятаться от них было незачем. Для них хотелось что-то сделать, хотя они были не дети, а взрослые.

Она училась у своей силы.

Лесные побратимы промышляли грабежом и разбоем. Они не сидели безвылазно у дороги и не устраивали там гнезда, как это представляла себе Сэиланн – Кейма расхохотался бы, скажи ему кто-нибудь еще такую чушь. Но тут смеяться было себе дороже – вдруг она опять молнией шархнет? Не по нему, но товарищей тоже жалко. Проще уж объяснить.

А как прятать в лесу ездовых птиц? Им там неудобно, птица либо скачет, либо сидит. Их надо кормить мясом, а не только насекомыми. Откуда мясо?

Грабеж на большой дороге оказался для нее чем-то вроде сложного колдовства; откуда, к примеру, побратимы узнавали, когда пойдет караван? И как они добывались у крестьян ночлега? Нет, это понятно, можно напугать отца семейства, нож к горлу приставить, пригрозить спалить дом... Но по второму-то разу как?

Кейма объяснил ей, что пугать приходится не всех, а некоторым, наоборот, полезно оставлять кое-что после удачного налета. Никто в этих краях не любит законную власть. Иногда от нее полезно отбиться, свалив на разбойников. Она страшно развеселилась, когда услышала описание игры в прятки с солдатами на поле вьюнков, заставленном жердями, и удивилась, узнав, что у разбойников тоже есть родня. Выражение лица у нее было всегда самое невинное.

Она слышала землю на два перегона вперед, если не уставала. Ее ум был ограниченным и хитрым, как у ящерицы.

Интересно, думал Кейма, притворяется или как?

Иногда побратимы «навещали» города и поселки. Кейма рассказывал, в городах были смешные приспособления с зубчатыми колесами, улицы, мощенные камнем и деревянными плахами, медные трубки на стенах домов, на полу мозаика и в окнах – блестящие стекла. Она как будто видела наяву, как разноцветное толстое стекло дрожало отблесками, вмурованное в каменный пол. Сэиланн с трудом вникала в описание вооруженного налета и долго удивлялась, как это можно такими небольшими силами – двадцать человек! – удержать в подчинении и старейшину, и жителей, и крестьян... Там же целый город! Конечно, совсем небольшой... А старейшина – важный человек, он говорит, кому на ком жениться, когда сеять, когда работать!..

– Не так уж и много там воинов, – объяснял глава, рисуя в воздухе что-то непонятное. – Всадников обучают тоже не везде. Не каждый городок в этих краях обязан отправлять обученных воинов в императорскую армию. А деревня – тем более. Мы всегда быстрее, чем вояки – хватай да удирай, главное – выбрать правильно. А один раз мы сделали вот так... Видишь, вот широкая улица, вот дом старейшины, а вот площадь... Один раз мы проскакали по улице с боевым кличем, ворвались в дом старейшины и захватили его семью. Им оставалось только отдать нам золото, деньги и побрякушки – если бы кто-то начал лезть в дом, мы бы прирезали его жену и детей, вот так. Он тоже человек. Мы отпустили их на краю поселка.

– А почему вас так мало? – спросила сэи. – Твоих побратимов с моими дураками – всего полтора десятка! Раньше, ты говорил, у тебя была самая большая шайка на этой дороге.

– Так зря мы полезли отбивать то барахло... Но теперь-то ты с нами? Или нет?

– С вами, с вами – проворчала Сэиланн. – Пришибить кого-нибудь, чтобы ты не сомневался?

– Да ну тебя, богиня... – отодвинулся Кейма. Он уже убедился, что спит она чутко, а врасплох ее не застанешь. Она была какая-то взвинченная, даже когда шутила. Едет, и ладно...

Совершенно непонятно было, что с ней делать, и страшно, что взял с собой. То ли взрослая ехидная дама, то ли дурочка-девочка. Согласилась, и все.

– Я буду богиня. Я и есть богиня.

Она подобрала покрывала и величественно ушла за кусты.

Несколькими днями позже их окружили.

Отряд свернул с дороги, углубился в лес и двигался по направлению к знакомому гнезду, когда Сэйланн почувствовала недоброе.

– Ты уверен, что именно там вы прятались прошлый раз?

Кейма изобразил вежливое удивление.

– Неужели сэи сомневается, что я не дурак? Эту заимку я нашел три года назад, когда...

– А там должен кто-то ждать?

– Нет... стойте! Парни, стоять! Стоять!

Кейма замахал руками и попытался без лишнего шума увести отряд, но было поздно – деревья расступились, и глазам побратимов открылась поляна, на которой их действительно ждали.

Сэйланн с интересом разглядывала полукруг солдат, которые так верно ждали их на краю поляны. Разбойники спешно строились в похожий порядок – и замирали под дулами ружей. Сэйланн рассеянно отмечала, что видит – синюю форму, блестящие на солнце значки и пряжки, тяжелые дула...

Людей не видит.

Сейчас она была одета в такую же форму и сандалии. Обгоревшие покрывала пришлось выкинуть на прошлой стоянке – они начинали расплзаться по ниточкам, а других у нее не было. Солдаты обращали внимание не на нее, хотя она была рядом с Кеймой. Мало ли, в какую рванину одеты разбойники.

Стоят. Тоже людей не видят.

Интересно, нужно их ненавидеть или нет? Злиться на них можно. Даже нужно. Убить их тоже можно. А ненавидеть?

Она вдруг поняла, что не имеет никакого представления о ненависти. Только о страхе.

– Квара, что ли? – Кейма бубнил себе под нос, считая незваных гостей. – Не квара... Викта. Пол-квары. Со своим главой, со знаком отличия. Сэй, это тот самый отряд, который за нами! А вторая половина ждет нас в гнезде.

– Значит, они вас нашли – равнодушно отозвалась Сэйланн. – Что будем делать?

– Ждать... А потом биться... Сэй, не стоит тебе тут стоять!

Не шевелиться! – закричал глава вражеского отряда. – Вы на прицеле!

Разбойники успокоили птиц, и Кейма крикнул: – Чего вы хотите?!

– Сдайтесь сейчас, и вас осенит милость императора! Вас будут судить справедливым судом!

Побратимы дружно захохотали. Эхо заметалось по лесу и умножило ор.

– Как же, справедливым судом! – продолжил упражнять глотку Кейма и добавил несколько весьма справедливых слов о справедливом суде. – Клевал я!..

С обеих сторон захохотали снова.

– Чего они ждут? – бормотал незадачливый побратим, не отрывая глаз от блестящих на солнце ружей. – Командир у них непростой... Сэй... Сэй, ты можешь их подслушать?

– А ведь и правда, – прошептала Сэйланн.

Она представила, что ее слух – тонкая травинка, которая вытягивается до самого неба. Кейма следил за тем, как ее глаза затуманиваются, а лицо становится все бледнее.

– Сэй...

Собственный шепот отозвался эхом у нее в ушах: «правда... правда... правда...»

Шепот поплыл по поляне и отразился от блестящих пряжек на ремнях и отворотах мундиров, от перстней на руке человека, сидящего верхом рядом с главой. Все блестело.

– Она с ними? – спросил тот.

Глава пожал плечами и сказал:

– Кто-то из них, господин... Даже не разберешь, кто тут женщина. Подождите стрелять. Она может все испортить. Нужно определить, где она...

– Это не за вами! – лихорадочно начала объяснять Сэйланн. – То есть не совсем.

– Это как? – не понял Кейма.

– Это меня!.. Они хотят обездвигить меня и уже потом стрелять! Вас всех сейчас... вы им только мешаете!

Кейма подвигал коленями, позволяя дроту, закрепленному у седла, выйти из петли. Нож он вытащил бы в долю секунды. Если бы это хоть чем-то помогло... Но если и умирать, так с оружием в руках.

– Ясно! Скажешь, когда соберутся!

Она кивнула.

Вперед выехал какой-то толстяк в серой одежде и заорал:

– Сдавайтесь или умрите!

Разбойники стояли молча.

– Видишь этого человека рядом с главой? – спросил Кейма шепотом. – Видишь амулет? Он неуязвим для тебя. Не давай ему к тебе подойти. Но если что, мы тебя отобьем, а после... Сэйланн широко улыбнулась. Ей пришла в голову хорошая мысль.

Человек с амулетом переглянулся с солдатом, вроде бы – слугой, который подавал ему небольшую сумку.

Она услышала шепот: «Я вижу! Тут две женщины. Которая из них?..»

Приняли, бедняги, парня за девушку... Сейрел тоже любит роскошно одеваться, снимая тряпки с убитых чиновников. Он из этой ватаги самый молодой и обрезает волосы ножом. А мы с ним стоим по обе стороны от нашего главы, как нас не перепутать.

Ну, посмотрим, сказала она себе. Сейчас посмотрим...

Закачались ветви, послышался топот; со стороны гнезда подходило подкрепление.

Лишь бы не встали у нас за спиной, подумала она. Впрочем, если и встанут, я...

– Вы зря радуетесь – неожиданно громко заявил Кейма, подмигнув ей. – У нас есть еще маги. А у второй половины отряда и ружья есть.

– Не верю – фыркнул глава. – Они объявились бы сейчас.

Полукруг сдвинулся вперед. Владелец амулета ненавязчиво встал с краю, подбираясь ближе к подозрительным женщинам. Его взгляд остановился на Сэйланн.

– Не возьмете! – ухмыльнулся Кейма. – Ну-ка, парни...

Неизвестно, что бы сделали парни и сколько бы их осталось в живых, но тут мир неуверенно качнулся – вправо, влево, как маятник.

В воздухе что-то прошелестело, опустившись на поляну горячей сетью. Человек с амулетом начал озираться и запустил руку в сумку, а Сэйланн оскалилась.

Кейма понял, что сейчас будет, и закричал: – Уходим!

Солдаты дали залп, но молнии погасли, не долетев до того места, где стоял отряд. Арбалеты бьют дальше, подумал Кейма. Не успеют они с арбалетами.

Побратимы удирали врассыпную, заставляя птиц отлетать в стороны огромными прыжками.

– Бью сверху! – оглушительно завизжала Сэйланн. – Сверху!

Человек выронил диск, невольно посмотрев вверх. Птица под ним подпрыгнула. Он упал. Во все стороны брызнул огонь.

Поляна плавилась и распадалась. Птицы, люди, камни, трава, земля... Комья земли... Кейма, досакавший с отрядом до опушки, упал, обнимая корни, вжался в землю и замер. Землю трясло.

Сверху сыпался дождь, и дождь был горячий. Воздух звенел, кричал на все голоса, и Кейма удивлялся, что он еще жив. Человеческое ухо неспособно такое выдержать. Если кто-нибудь слышал, как кричит молния, он может себе представить этот крик.

Потом наступила тишина. Земля все еще тряслась, и Кейма понял, что он не слышит.

Прямо перед его лицом врезалась в землю лапа птицы. Сэй спешила и принялась вертеть в руках что-то, чего он разглядеть не мог.

Кейма поднялся, глядя на свои окровавленные ладони. Уши болели.

Он медленно проковылял к опушке.

Земля на поляне была перемолота в пыль – равномерный слой тонкой, серой, въедающейся в кожу отвратительной пыли. То, что было ей присыпано, он разглядывать не собирался. Перед глазами все плыло.

Он опустился на землю, прислонился к какому-то дереву и просидел так очень долго.

Сэйланн осмотрела поляну, заметила ошеломленного вожака, подошла и присела рядом.

У нее в руках были диск и поврежденный амулет, диск она сунула в сумку, а с амулетом стала играть. Вид у нее был задумчивый.

– Можно спастись, если заколдовывают тебя, – громко и неестественно четко объяснила Сэйланн, глядя на совершенно серого Кейму и подбрасывая амулет на ладони. – Но, если земля провалилась под тобой, не провалиться под землю невозможно. А там внизу такая штука, она летом горит, если солнца много... Много... солнца... И родник...

Ее никто не слышал, но ее это не волновало.

От амулета отвалилось перо, камушек, кожаная оправа. Наконец погнулась основа, состоящая из тонкой проволоки, и распалась пополам тонкая голубоватая стальная пластина.

– Без человека это все, ничего, не значит, не значит, не значит ничего – сказала она. – Ничего ничего не значит. Вот.

Кейма закрыл глаза.

– Все – сказала сэй. – Все.

Через пару дней потрепанный отряд вышел на главную дорогу. Недалеко от моста через какой-то несчастный ручей Кейма объявил привал – из-за больных приходилось останавливаться чаще обычного. Сэйланн остановила птицу и принялась шарить во выюке. Глава оказался рядом, и она обернулась, чтобы сказать ему что-нибудь ободряющее и возложить руки на голову. Его приходилось лечить больше прочих. Все-таки оглохнуть на сутки – тяжелое испытание...

Она видела восторг в глазах детей, когда им доставалась ящерица, и восторг в своих глазах, когда она смотрелась в настоящее зеркало. Она видела, как радуются форра, когда их кормят, кийби, когда поет, и зубастые, когда танцуют брачные танцы.

Все это не стоило и капли искреннего восторга в глазах Кеймы, который сорвал с груди амулет.

- Ты умеешь быстро думать и точно бить в цель, сэи! Ты и вправду богиня! Сэйланн не вытерпела, засмеялась и подставила ладонь.
- Я богиня! Поклонись мне!
- Кейма спешился, взял ее руку в свои и торжественно поцеловал.
- Клянусь тебе в верности, сэи.
- Следом подошли и остальные. Удивленные дети смотрели на них издалека.
- Верные – поняла ошеломленная богиня. Радость возникла внутри, как шарик молнии, и взорвалась, осыпав мир разноцветными огнями.
- Это называется – верные.
- Айййя!.. – завопил кто-то и повалился на колени, раздирая грудь ногтями. – Каи ме!
- Еще двое закружились в пляске – айййя! Ай! – и Сэйланн замахала руками.
- Ну, хватит! – звонко крикнула она, обрывая церемонию. – Нам еще далеко идти! Мы будем танцевать!
- Да уж – ухмыльнулся Кейма. – Веселые странники! Идем!
- Иде-ем! – звонко закричал старший сын. – Иде-е-ем!

10

По дороге вниз с горы бежал человек. Бежал быстро, задыхаясь.

Кейма обернулся к побратимам и щелкнул пальцами, рисуясь. Два всадника поскакали наперерез. Как теперь было заведено, человек упал на колени и уткнулся лицом в пыль. До Сэйланн донеслись невнятные слова – то ли он просил его не убивать... То ли еще о чем... Кто их разберет. Сейчас узнаю.

Она сплюнула на дорогу. Болела спина, день перевалил за середину, и пора было уже где-нибудь остановиться.

– Сэй, что нам с ним делать? – спросил глава.

– Либо дурак, либо гонец – равнодушно сказала Сэйланн. – Не убивайте его.

Человек был уже близко. Двое верхом на птицах заступили ему дорогу. Он хватался за их стремена и выл что-то неразборчивое.

– Давайте его сюда – распорядился Кейма. – Прилично одет, в возрасте... Это кто-то из совета деревни.

– С чего бы нам такое внимание?

Нежданного гостя подхватили под мышки, подняли в воздух и в таком виде поднесли главе. Сэйланн сидела очень прямо и глядела перед собой. Наверняка будут что-то говорить о ней. Вот, вот. Так и есть.

– Сэй, он спрашивает тебя не сжигать их деревню! – улыбаясь от уха до уха, доложил глава. – Что будем делать? Ты теперь в этом бестолковом племени наша Старшая Дочь, ты и решай.

«Наша дочь»...

Ей польстило, что он равняет ее с высокородной. Хотя – что с того... Да ничего. Кейма не враг. Сушеной саранчой не кормит, услужить потом не попросит. Значит, просто хорошее сказал.

– А что он еще говорит? – равнодушно спросила сэй.

– Еще он говорит, что их старейшина просит тебя говорить с ним и может кое-что предложить, ведь мы безжа-а-алостны и неумолимы... – Кейма был рад, что к славе его ватаги прибавилась слава сэй. – Парни, парни! Мы ведь не будем просто так давать им пощаду? Нам кое-что понадобится... Запас монет, пара-тройка десятков золотых бусин, сбруя, кожаные подпруги, оружие, жратва...

Парни хохотнули.

– И жратва, – вздохнула сэй. – И что вы, мудрейшие из разбойников, делаете в таких случаях?

– Берем! – подмигнул Кейма. – Вообще-то нас никто никогда еще не подкупал. Но если несколько таких поселков или городков, да еще и каждый год...

– Так и разжиреть можно – вставил кто-то из друзей, а птица под ним заплясала.

– Размечтались! – оборвал их Кейма. – Двигайте за ним! Ты, как тебя зовут...

– Килим! – этот отряхнувшийся Килим держался гордо, выглядел не так пришибленно, как остальная деревенщина на их пути... Нет, не зря его сюда послали. Наверное, сейчас еще и разговор заведет, как равный. Сэйланн подумала, что с таким было бы интересно поговорить. Жаль, что пока не получалось подслушивать, о чем думают незнакомые люди. Только испуганные.

– Не вздумай выторговывать у нас ничего – прервал ее мысли Кейма, сверкнув ножом и усмешкой. – Не вздумай. А то жить будет негде... Гонять будет некого... Сеять будет нечего... Мы возьмем, что захотим... Понял, Килим? Повтори.

– Не надо повторять – неожиданно для себя вступилась Сэйланн. – он понял. Правда, друг? Ты понял? Ну, иди.

Килим кивнул.

Кейма подтолкнул его древком копья.

– Топай впереди.

Отряд из четырнадцати человек, двоих детей, одного провожатого и одной богини медленно двигался по дороге, ведущей к большому селению.

Несмотря на укоризненные взгляды Кеймы, Сэйланн пустила свою птицу вперед, со скоростью провожатого, чтобы дорога привычно запрыгала вверх-вниз, вверх-вниз. Он казался спокойным и внушал некоторое доверие. Сэйланн то и дело напоминала себе, что людям нельзя доверять, но это не всегда было правдой. Можно же было доверять Кейме! Ну, хоть кому-нибудь! Может, и этому человеку можно верить?

Кроме того, ей было ужасно любопытно.

– Как называется ваш городок?

Килим с интересом оглядел ее. Взгляд у нее был какой-то странный, словно ему было ее жаль.

– Эйме – ответил он. И зачем-то, сглотнув под ее взглядом, сказал: – У нас растет коробочник и сот, дальше – бобовые поля, соседи плавят руду, дальше есть большой ручей, где мельница... Воинский дом небольшой, раз в год выполняем повинность. Денег у меня мало. Городского совета нет, высокородных нет ни одного... Ты об этом хочешь знать?

– Мне интересно, хм – пробормотала она, задрав нос. Нельзя, чтобы он подумал какую-нибудь глупость. А то потом и до глупых дел дойдет. До каких дел, она пока не придумала, но ведь до чего-нибудь дойдет же!

– Ты глупостей не думай, никара, – предупредила она, стараясь, чтобы ее голос был таким же хриплым, как у Кеймы. – Мне не нравится убивать людей.

– А ты на самом деле можешь зажигать пламя и плавить металл? – хитро сощурился Килим.

Да он смотрит на нее, как на глупую девчонку! Что он фыркает, как болотник?

Сэйланн взмахнула рукой.

– Ой! Ааааааа! Нет, богиня, нет, не надо...

Килим согнулся пополам, схватившись за живот. Зря он это сделал. Если у тебя мгновенно раскаляется пряжка на поясе, зачем ты хватаешься за нее обеими руками?

Побратимы захохотали.

– Вот так вот – сказала сэи и заняла свое место в строю.

Ей стало жалко бедного дурака – вон как над ним смеются ее воины! Но не просить же прощения! Люди часто смеются над тем, кто обжегся по дурацки.

Остальную дорогу ее занимали совершенно другие мысли. Например – как она теперь будет командовать этими людьми? Отряд за месяц вырос почти в два раза. Пусть это и разбойники, но воины все-таки настоящие... Может, командовать будет все-таки не она?

Но скоро эту мысль прервала другая, неожиданная, как будто и не своя.

Сколько ног у кусаки? – спрашивала чужая мысль.

Сэйланн представила себе многоножку длиной с ладонь, идущую на задних ногах, как человек, и засмеялась. Чужая мысль была хороша. От нее становилось теплее.

Вот и прибыли!

Разбойники привели птиц на единственную площадь в Эйме, остановившись у гостевого дома. Резко пахло птичьим пометом и свежесрубленным винным деревом. Сэйланн рассматривала нацарапанные на камнях значки, но не могла их понять. Как и положено, впереди был дом старейшины, на другой стороне – казарма, а рядом – лавки.

– Торговля закрыта по случаю нашего визита, хе-хе – высказался Кейма, останавливаясь рядом со своей сэи. Путь по пыльной главной улице, где из окон выглядывали испуганные жители, немало его позабавил.

По краям площади начали появляться немногочисленные любопытные. Некоторые – с оружием. Солдат было мало, не то пять, не то шесть, но если уж есть солдаты...

– Как бы рубить не начали... – обеспокоились побратимы.

– Тихо! – распорядился Кейма. – Парни, парни! Ружей у них нет. Арбалетов не вижу. Переговорщика послали, ишь ты... Договоримся миром. Наша богиня с нами. Главное – прикрыть нам хвост.

– Нет у них арбалетов – проворчала Сэйланн. – Не вижу.

– Успокойся, – мигнул он Килиму, – все и сразу мы не возьмем. А если старейшина будет вести себя хорошо, можем сделать ему небольшой подарок. Что он любит, ваш старейшина?

Килим покачал головой и еще раз зачем-то отчаянно посмотрел на Сэйланн.

– Он вообще никого не любит. Зато живут при нем спокойно и мирно. Пятнадцать лет как здесь поставлен, молодой еще. Пару лет назад ездил в Аар-Дех, чтобы получить благословение Сахала и грамоту на отлов злоумышленников, и вернулся сам не свой, важный, как столичный щеголь. Зато ни ссор, ни споров, ни глупостей разных, и свадьбы каждый год – никто ему не перечит ни в чем. Ладно, все! Приехали.

Кейма спешил и помог Сэйланн пройти вперед. Со всем возможным почтением.

Старейшина встречал их на крыльце.

У него был такой вид, как будто он игрушка. Лицо совсем ничего не выражало. У старейшины в ее деревне был совсем другой вид, пока его не убили. Он напоминал крысу, длинного серого мохнатого зверька со многими лапками. А этот вообще был как деревянный, стоял, смотрел... Какие же разными бывают люди! Некоторых даже испугаться можно.

Ну, что поделать – если ты старейшина, и отец твой, и дед, наверное – старейшины, которые подчиняются господам в замках, которые подчиняются еще кому-то и нитям паутины из столицы, читают бумаги, запоминают указы, и знают старые машины, и ты, наверное, уже не человек, а... Ай!

Пока она думала, он подошел поближе, и Сэйланн почувствовала, как ее охватывает холод. А потом она как будто умерла.

У него в руке был диск, синий диск, похожий на диски стражников, которые толкались в руку невидимыми холодными иглами. Она ничего не могла сделать. Магия, которая поддерживала ее, исчезла.

Если бы она ослепла или лишилась обеих рук, и то было бы легче.

Что делали воины за ее спиной, она не видела.

– Сейчас ты пойдешь и встанешь на колени – сказал он шепотом, и Сэйланн растерялась.

– Ты пойдешь... И встанешь на колени... И не закричишь... и сделаешь все, что я от тебя потребую, распустишь эту кодлу, отдашь награбленное... А потом ты умрешь. Сюда уже приходили. Я видел, видел десяток таких, как ты. Они не успели научиться своему делу. И ты не успеешь.

– Зачем?.. – вырвалось у нее.

«Все-таки это не страх» – заметила та ее часть, которая не поддавалась. Эта часть отвечала за те самые мысли, интересные и как будто чужие.

«Он тебя ударил не сам. Он же не умеет колдовать. Помнишь, как тебя однажды ударила по голове черная женщина, не твоя мать? Так вот, это то же самое. Тебя бьет ненависть. Это власть страха».

«Но он же хочет справедливости... Я всегда жила из милости, я должна...»

«Он не хочет справедливости, он хочет твоего страха. Никто не живет из милости. Ты можешь двигать руками и ногами?»

«Да» – мысленно ответила Сэйланн.

«Ты можешь видеть глазами? Ты видишь то, что есть? Это не зависит от него?»

«Да...» – сказала она, хотя глазами уже ничего не видела.

«Ты Сэйланн?»

«Да...» Сэйланн пошевелинулась, сбрасывая невидимые оковы. – «Я – Сэйланн».

«Тогда действуй!» – заорал кто-то громко, как тысяча голосов.

Старейшина поводит диском туда-сюда перед грудью Сэйланн.

– Ты – это непорядок – сказал он уже обычным голосом. – Ишь ты, какая выискалась в глухом углу! Все вы очень плохо знаете законы. Еще не запомнили, куда попадают оскорбители власти! И никаких глупостей! Хоп!

Диск засветился.

– Вот такой вот фокус, – спокойно сказал старейшина, обращаясь к толпе – на площади все прибывало народу, притекало из переулков. В воздухе пахло грозой. Побратимы стояли, как вкопанные, и даже птицы не двигались. Оцепеневший Кейма тянулся, тянулся к копыю и никак не мог дотянуться.

Старейшина сунул руку в карман, где лежал маленький, очень острый нож, достал его и примерился.

– Видите? Все как всегда – бормотал он, отгибая жесткий воротник рваной синей формы, чтобы открыть Сэйланн шею. Воротник не поддавался. – Чем эти гадюки отличаются от прочих? Развели тут панику – маги, маги! От магов тоже можно защититься. Император, да правит он как можно дольше, дарит нам средство... – воротник отогнулся, открывая горло. – А это паскудное... небрежение законом... Так... И ничего они нам не...

И тут Сэйланн обрела дар речи.

– Ах ты тварь! – закричала она и изо всей силы пнула человека-игрушку ногой.

Он упал.

Дальше все было очень неожиданно, по крайней мере, для нее. Только что вокруг них было пустое место – и вот на этом самом месте образовалась небольшая драка.

Она с удивлением посмотрела на человека-игрушку, оседающего на землю, и солдат, оглушенных ударами местных жителей.

Солдат-то за что?..

– Мы же грабить вас пришли – сказала она неуверенно.

– За мою невестку, за мою дочь! – кричал кто-то. – Жена! Жена! – вторил голос из той части толпы, которая смыкалась над солдатами. Дальше было не разобрать. Люди выкрикали женские имена, толпились, пытались ударить еще раз.

Вот сволочь, подумала она. Соли... Оно сплетается теперь, как соли...

Холодный сгусток ужаса, лежавший под крышкой черепа, постепенно рассеивался, и к ней, как птицы, слетались вести о прошлом. Так уже было, и она не мешала им появляться. Здешнее прошлое было так тоскливо, что хотелось отряхнуться. Два года подряд, вернувшись

облеченным властью... проверять всех соседей, и жен их, и детей... Прибрать за послушание то жену одного, то старшую дочь другого... А наказание в законе – одно... И солдаты поддержат, и ходит весь городок в страхе – хотели ученого человека, а получили паука...

Хвааатит!

От облегчения очень хотелось закричать, что Сэиланн и сделала.

– Айя! – заорала она без слов. – Аааааааааааааа!.. Кай ме!

Ничего другого в голову не приходило. Но кулаки сжимались сами. В конце концов, когда птица нападает, она очень кричит. А чем богиня хуже какой-нибудь птицы? Что ей, нельзя, что ли? Какое еще «нельзя»?

Вопль только подстегнул любителей подраться, и куча мала увеличилась. Сэиланн крикнула несколько слов, значения которых она не понимала, и полюбовалась на летящие в сторону ключья одежды. Нууу, кажется, местные жители и солдаты дрались друг с другом всерьез. Им-то лучше знать.

– Ничего я никому не сделаю, как же! – продолжала разоряться богиня. – Есть вещи получше магии! Вас надо бить по глазам, раз вы смотрите на это! Вас нужно убивать, вас надо топтать, как мокриц! Забыли, а? Не ожидали? Мертвые люди! Вы мертвые люди, мертвые!

Вокруг нее зияло пустое пространство. Побратимы, которые уже избавились от оцепенения, спешили и занимали места за ее спиной, готовясь прикрывать сэи на случай драки. Но драка шла без их участия.

Она и не заметила, как сила начала возвращаться. Теперь чувствовалось слабое покалывание в руках и ногах, такое же, как после долгого сна в неудобной позе. А что? Наверное, колдовство течет по венам, как кровь...

Интересно, а почему никто не напал на нескольких побратимов, вставших вокруг нее? Неужели все только и ждали, чтобы наброситься на этого истукана? И зачем люди дальше бьют друг друга? Может быть, мы встряли в какое-то интересное дело?

Да, наверное, так.

Старейшина пытался дотянуться до диска, но десяток рук и ног доброжелателей ему очень мешали. Очень, очень мешали.

Ага, значит, диск тоже просто так ничего не значит... Нужен человек.

Сэиланн подняла диск, отпихнув бессильную руку – в конце концов, такие штуки у нее уже лежали в сумке, перекинутой через плечо – отошла и рассмотрела.

Он уже не светился, и на нем были выбиты... или вырезаны... какие-то слова. Вроде бы такой же, как все прочие. Жалко, что читать ее никто не учил.

Она пожала плечами и сунула его в сумку. Ух он и ценный, наверное. Все ценное надо хранить при себе.

Теперь ясно, зачем стражникам такие... Но неужели таких, как я – много, и искать их просто?

Обернулась на нечеловеческий вопль. Это был еще узнаваемый голос старейшины. Кровь была тоже его. Заканчивать это никто не собирался.

Сэиланн схватилась за голову.

– Стойте! Стойте! Что вы делаете! Что...

– Он посмел обидеть нашу Дочь! – раздался вопль побратима, который перекрыл ее стелания. Ее прикрывали собой и оттеснили к другому краю площади.

– Наша Дочь!

– Наши дочери! – вторил крестьянин, размахнувшийся камнем. Солдат было безнадежно мало.

От главной улицы к воинскому дому бежал еще десяток опоздавших, вооружившихся мотыгами и чем ни попадя, и судьба врага уже не вызывала никаких сомнений.

Сэйланн глубоко вздохнула и потеряла сознание, недосмотрев, чем дело кончится.

Ой... Темно...

Вокруг было темно.

Темнота была прозрачной, и в ней шевелилось что-то огромное, извивающееся. Если приглядеться, то можно было рассмотреть здоровенную змею толщиной с десять Сэйланн, свивающую кольца на песке.

Или все-таки не змею?

– Ой!. – она протерла глаза и встала. – Ты кто!

– Я – И-ти...

– Куда мне тут идти?

Существо хихикнуло. Большая змея, а может хихикать, как человек! Ууу, ничего себе... И ведь какая огромная змея!

Сэйланн медленно обошла ее со всех сторон, рассматривая драгоценную чешую, прекрасные, огромные, рубиновые глаза. Бесконечно можно было смотреть в эти глаза, и бесконечными казались кольца. Казалось, кончик хвоста теряется в дальней дали – или нет? Вот он, близко? Голова была какой-то совсем не змеиной формы, но длинный язык, похожий на змеиный, то и дело касался песка.

– Ну, что ты любишь? – спросило существо, не открывая рта. – Иди. Все спрашивают. Иди сама.

– А как мне выйти?

Драгоценные кольца блеснули.

– Иди, и придешь туда, где светло... Ты маленькая и движешься быстро.

– А почему мы тут?

– Нас отразило небо и направило наши сны туда, где они смешались. Я говорю оттуда, где тебя уже нет. Во сне ты можешь двигаться по времени, и тебе светло.

– Тут везде светло – огрызнулась сэи. – А ты тоже бог?

– Нет. Ну что вы все – «бог, бог»... Я даже не богиня. Я вообще не человек, из меня не может выйти ничто божественное. А так хотелось бы иногда побыть тобой... Иногда очень хочется что-нибудь разрушить.

Сэйланн хотела сказать, что вовсе она и не собирается ничего разрушать, но потом плюнула и пошла куда-то по песку. Интересно, что может мешать такому огромному, величественному существу? Может быть, эта тень, из которой оно выбирается?

Тень казалась какой-то плотной, осязаемой, а существо, лежащее посередине ее – прекрасным. Противная тень. Ну-ка, попробуем...

Сэй уперлась руками в край посветлее – самый темный край был с другой стороны – и попробовала.

Сначала тень не поддавалась, но казалась упругой. Сэйланн разозлилась и выдохнула. Из рта вылетел сполох пламени.

– Ай! Осторожнее... – сказала существо.

– Ага, осторожнее! – подтвердила Сэйланн и налегла на тень изо всех сил. – Осторожнее ему! Ты бы лучше сам помог!

– Я не могу – ответил печальный голос. – Я в середине. Я заблудился.

– Тогда приподнимись! Эй!

– Как ты это себе представляешь? – голова, хвост и средняя часть поочередно пошевелились. – Ну, ладно...

Существо не приподнялось, а съежилось, и толкать стало легче. Но все равно было очень тяжело. Все равно как из грязи что-нибудь вытаскивать, когда ты уже без сил, а тянуть все равно надо...

Сэиланн припомнила, как однажды тащила ребенка из болота рядом с селением, и из ее груди вырвалось такое же отчаянное «нннууууу!»

Тень поддалась. Она сдвинулась еще на немножко, потом еще на чуть чуть, а потом...

– !... – раздался громкий вопль, состоящий из одного долгого звука, который не смог бы издать ни один человек. Существо И-ти извивалось, как личинка, лежа на чистом песке.

– Ай! Наверное, больно! – предположила Сэиланн. – Ух ты-ы-ы-ы...

Далеко по направлению к горизонту что-то темное улепетывало во все лопатки. Вдаль тянулась пустыня, из которой торчали ржавые железные остовы.

– Спассссссссссибо... – прошипело существо, к которому вернулся дар речи. – Спассиибо... Уххх... Ох.

Оно свернулось в привычную позу и опять посмотрело на Сэиланн сверху вниз. На этот раз в его взгляде читалось уважение.

– Это был очень плохой сон! Очень... Очень плохой. Спассибо тебе, Сссссэи Ланнннн.

– Ну так куда мне идти?! – спросила рассерженная сэи, уперев руки в бока. Мало того, что попадаешь, куда попало... тьфу... так еще и это дурацкое черное покрывало и дурацкое существо со своими загадками!

– Тебя и так заберут... – существо растянулось на песке, и хвост его дрогнул. – Во-о-он там уже забирают... Видишь? А я пока отдохну... Охххх.

Хвост шевельнулся.

Она пригляделась и увидела неподалеку, возле кончика хвоста, очень-очень маленькую площадку с очень-очень маленькими людьми и очень-очень маленькой фигуркой, которую несли на руках воины.

Ой... Мне пора... Мне пора-пора-пора!

Сэиланн сделала шаг вперед и проснулась второй раз.

Она сидела в тени, прислонившись к стене, а вокруг выстроился полукруг верных. На противоположной стороне площадки были следы побоища, темная лужа с разбросанными вокруг тряпками и красный след, как будто тащили тяжелую ношу. У одного из побратимов руки были в крови.

Ой, какая ерунда, ерунда, ерунда какая-то...

У нее очень кружилась голова.

– Выпейте, сэи...

Кто-то дал ей воды. От воды стало только хуже, потому что тошнило.

С той стороны площадки к ним направлялись трое с Килимом во главе. Они подошли и встали там, где Сэиланн были видны их колени и колени ее стражей. Радостно говорить со змеей, страшно – с убийцей, но очень смешно после этого говорить с коленями незнакомых людей.

Побратимы скрестили копыта и ножи, окружая ее плотной стеной.

– Ты потратила много сил, чтобы убить его, богиня – уважительно кивнул Килим.

Она кивнула.

– Скажи нам, сэи, кто теперь будет управлять нами? Мы не хотели бы беспокоить господ высокородных, до них далеко, а до императора еще дальше... Если старейшина умирает, а наследников не осталось – какое им дело до его преемника? Лишь бы платил, что положено!

– Не ты... – выплюнула слова Сэйланн. – Не ты будешь платить.

– Почему?

– У тебя... колени дрожат.

На лице Килима отразился ужас.

Это ты, подумала она. Возможно, не совсем ты... Но мне так кажется, что именно ты это все и придумал.

Да. Смелый человек. Кто бы отважился выйти наперерез шайке разбойников и попробовал заманить в плен колдунью? Награда была бы велика, вы поделили бы ее с этим деревянным истуканом, а там, может быть, и к господам...

Она представила себя сидящей в клетке, которую везут в столицу, и нахмурилась.

– Он.

Ее палец указал на Кейму, который как раз подходил к площади.

По крайней мере, у него ноги не дрожали. Он, по правде говоря, просто взял и упал на колени, оттолкнув своих людей, чтобы проверить, все ли с ней в порядке.

– Кейма!

– Да, сэи!

– Ты когда-нибудь навещал этих людей, как всех прочих? Или ты сюда не навещался?

– Нет, сэи...

– Здесь живут такие... хм... не в меру... смелые люди. Особенно этот. Ты понимаешь, чего он от нас хотел?

Кейма медленно обернулся и достал нож.

– Нет, не совсем этого – улыбнулась Сэйланн. – Ему было все равно, кто из нас двоих умрет. А все деньги за поимку бедной меня, вся слава – все было бы его. Может быть, и назначили бы его господом главным, собирал бы налоги, ему бы кланялись в землю... А вот стоят два его друга... Ты понял?

Друзья попятились.

Кейма вытер нож о штаны:

– Ишь ты... Какую здоровую пакость – и все из-за такой мелочи! Даже и не город ему понадобился... Что будем делать, сэи?

– Я придумала ему достойное наказание. Пусть этот дурак выполняет твои приказы. Остайся здесь. Управляй этими людьми. Помогай им, соблюдай... подходящий закон.

– Нет! – Кейма в ужасе помотал головой. – Сэйи, мое место рядом с тобой! Я и так буду хранить твой закон!

Ага, подумала Сэйланн. Это называется закон?

– Справедливость есть закон... – шепотом сказала она. Слова были вкусные.

– Да, сэи! – рывкнул ближний побратим. – Покажи ему, что такое справедливость!

Килим, кажется, готов был валяться в пыли, чтобы его не отдавали этому паучьему отродью и грабителю. Еще бы, Кейма и не скрывал, кто он такой. Хотя, если его помыть, он сошел бы за высокородного. Рост подходящий, ходит прямо, выражается изысканно... Разница иногда невелика.

– Если сэи позволит, я предложу эту честь другому человеку... – сказал Кейма. Он и на самом деле был бледен – не хуже Килима.

– И кому же?

– У меня есть человек, родившийся в этих краях... Это Сейрел, ты же его знаешь, сэи! Он был изгнан из соседнего городка, правда?

Парень закивал.

Она так и не разобралась, кто из побратимов – его слуга, а кто – доверенное лицо. Кейма был для своих вояк маленьким императором. Но если Килиму достанется такое юное начальство, это будет неплохим наказанием. Что бы ему такое поручить? Мести улицы? Чистить отхожие места?

– Хорошо, – медленно сказала сэи. – На эту кучу дров хватит и Сейрела. Или, может быть, мне все-таки сжечь их дома?

Лоб Килима покрылся испариной.

– Некоторые очень легко встают на сторону сильного – заметила Сэйланн, поднимаясь на ноги. – Я не оставлю тебя. А вот этого – я оставлю. Вон какой хитрый! Следите за ним получше... И за его друзьями, а? Пусть научатся мести полы в доме Сейрела и ловить ящериц. Меньше будет времени на хитрости. А чтобы не болтал языком...

Килим попытался что-то сказать, но у него не вышло.

– Бедняга, – фыркнула она. – Крал чужие слова... Пока своих не найдешь, говорить не будешь. Нечего тебе говорить.

Ее захватила хищная радость – такая, какой могут радоваться только победители и боги.

– Да, богиня! – воскликнул Кейма, помогая ей подняться. – Да!

Ему ничего и никогда не нужно было объяснять два раза.

Окруженная кольцом побратимов Сэйланн побрела в сторону лучшего в городе большого дома, из которого поспешили обратиться жители, не дожидаясь, когда придет ужасная юная богиня и сведет их с ума.

Если бы кто-нибудь усомнился в том, приходилось ли сэи спать в настоящей кровати до этого дня, его бы закололи не четырнадцатью, а тридцатью копьями.

Новые верные торопились, приносили клятвы, спешно разбирали оружие в воинском доме. Если ты молод и можно уйти из мест, где тебе на роду написано провести всю жизнь, выращивая коробочник – почему бы не уйти?

11

Почему-то все документы, которые читал Таскат, содержали невероятное количество информации о полезных ископаемых, сколько-то сведений о животном мире, техническом развитии общества, устройстве армии и некоторых смешных правилах, которые нужно было обязательно соблюсти – к примеру, здесь здоровались за руку и ели все вместе за одним столом. Психологи тоже оставили свой след, отметив бросающиеся в глаза большие отличия. Но чаще всего, если речь идет о выгоде, два умных человека всегда поймут друг друга – конечно, если говорить только о делах.

Но обычная жизнь в мелочах!.. На какую сторону надевать накидку – ладно, обычную, но что он сначала сотворил с парадным костюмом!.. Ну, хотя бы – как собирать за собой посуду, не рискуя обидеть хозяев... Почему нельзя пытаться войти в дом к низкорожденному... Как отказаться курить жженку или есть ненужное... Хотя, с другой стороны, дома низкорожденных для него закрыты, и ему совсем не нужно собирать посуду, на то есть слуги... Ох уж эта обычная жизнь.

Это было странно. Неужели никто до сих пор не изучал, как живут эти люди на самом деле? Я, конечно, не специалист, чтобы влиять на жизнь общества так, как это ему необходимо, что ему необходимо – не знаю, а далеко меня эти каменные морды не отпустят, но...

Он уже посылал запрос непосредственному начальству, но получил какие-то обрывки информации. Это было ужасно. Нет, понятно, что ни один хэлианец никогда не попадал сюда, не жил в этих городах, не танцевал на праздниках, не работал в мастерских и не заводил друзей... Но хотя бы земляне, тонкие психологи и любители путешествовать под чужой личиной, устраивая между делом перевороты! Но хотя бы арданцы, любопытные шовинисты, ищущие все новые способы доказать свое превосходство! Но хотя бы – умелые наемники-скаральды!..

Горя желанием составить хоть какое-нибудь описание не без пользы, хоть и сокращенное, и передать его другим, он поспешил связаться через Ро-мени с небольшим, но уважаемым издательством, обещая ему книгу о впечатлениях первопроходца при аар-дехском дворе. Предложение было принято. С тех пор дневник Таската пополнялся наблюдениями, и приводить их в порядок, добавляя новые и новые детали, было истинным удовольствием. Конечно же, он понимал, что его взгляд несколько односторонний. Или – однобогий.

Нет, ну как же так можно? Кто же так страшно изменил всю фауну этого бедного мира? Те самые сказочные маги?

Сидя на краешке мягкого пуфа в тени декоративной решетки и стараясь не привлекать к себе лишнего внимания, он развернул экран на одну треть, чтобы перечитать сегодняшние заметки.

Сегодня действительно было о чем подумать, потому что жрецы устроили настоящее представление, на котором обязали быть всех, кто собирался по-прежнему оставаться в тени, не зарабатывая хозяйской ласки. О да, этих различиях он разбирался, не то что в обыденной жизни большого незнакомого государства... «Тень» была разнообразна и разноцветна, но в основном это было отсутствие милости. Не «милость», а «отсутствие милости». По крайней мере, это ему хорошо знакомо. Надо идти.

Гости собрались в той части дворцового сада, где по велению какого-то предка нынешнего священного величества была оставлена огромная квадратная площадка, посыпанная песком, на котором слуги день за днем выводили извилистые линии, слагаемые сложнейшего рисунка. Рисунок был всегда одноцветным – песок и песок – но если подняться на небольшой

балкон, можно было увидеть, какая получилась картина: Таскат иногда думал, что бы он мог начертить, если бы ему позволили.

Сейчас песок был просто песком. На нем ничего не было написано.

– Что это? – ахнули несколько дам. До того он слышал, как они увлеченно обсуждали превосходную работу какого-то новоявленного рисовальщика. Иногда эти люди творили узоры неслыханной сложности и красоты.

Таскат почуял резкий, кислый запах, похожий на тот, который издает голодная змея, лежавшая в клетке несколько дней, только в сотню раз сильнее.

Человек в простом черном жилете, одетый по моде, подчеркивающей происхождение – чем меньше вычурности, тем древнее род – горестно вздохнул и закрыл лицо рукой. Его товарищ незаметно оглянулся и потянул расстроенного под ближайшие лианы, петлями свисающие с огромной ветки. Дерево было достаточно большим, чтобы укрыться под ним и не привлекать лишнего внимания.

По краям площадки выстроились солдаты, слуги держали двух огромных панта, а в самой середине лежал большой железный шар. Судя по всему, он был пуст внутри – попробуйте притащите что-нибудь такое без подъемного крана! И где тут возьмешь...

Запела труба, и на дорожке, вымощенной камнем, показался сам император, сопровождаемый свитой из двенадцати человек – десяти советников и двух особых доверенных лиц. Он опустил в кресло, отгороженное от площадки прозрачной ширмой, и махнул рукой. Слуга прикрыл старческие ноги краем драгоценной мантии.

Вперед вышел жрец в синей накидке, развел руки, требуя тишины, и начал говорить.

– Ваше священное величество и вы, благородные господа и дамы! Известно ли вам, что такое воздух?

Ответа он не дождался, но император кивнул, позволяя ему продолжать.

– Воздух суть та самая основа, из которой мы все были созданы. Воздухом питается любая тварь, которой он нужен, кроме всякой еды. Воздух есть и в воде, будучи в ней растворен, он питает рыб, о чем писали древние ученые. Даже в камне воздух есть, и нет такого места, где бы не было воздуха.

Он немного помолчал и стал похож на лектора, ждущего ответа от аудитории. Аудитория молчала.

– Применив знание об истинной магии, не требующую владения незаконным... владения незаконным... незаконной силой... Мы сумели удалить воздух из этого шара! К огромному нашему сожалению, мы не смогли бы допустить вас в святая святых, чтобы вы видели сам процесс, но свидетель этому – его священное величество!

Император кивнул и прикрыл сморщенные веки: продолжай. Не тяни. Я устал.

Жрец все понял правильно и заговорил быстрее.

– Благородные господа и дамы, цвет королевства! Этот шар совершенно пуст и воздуха в нем нет. Но раззять его половины невозможно! Отсутствие воздуха скрепляет их прочнее, чем если бы они были... были сплавлены молнией!

Толстые кожаные ремни, отходящие от упряжи панта, прикрепили к ручкам железных полушарий. После этого слуги щелкнули кнутами, и панта принялись тянуть.

Они тянули, тянули, тянули, взрыхляя песок... Если бы это были привычные ему теплокровные со слабым сердцем, они пали бы на месте. Но это были ящерицы.

Высокородные окаменели. Они смотрели не на то, как проходит эта давно известная Таскату демонстрация законов физики, а на то, как лапы роют песок, доходя до каменной основы. Дама, стоящая рядом, наклонилась и собрала горсть песка на память.

Когда отлетела одна из ручек, его священное величество нахмурился и повел рукой. Все немедленно засуетились. Слуга подбежал к панта, упавшей набок, и освободил ее от упряжи, оставив грудной ремень. Четыре гвардейца без натуги подняли шар и унесли его на плечах куда-то за стену высоких кустарников, блиставшую зеленым и голубым.

– Так власть его священного величества соединяет нас и наши устремления... в отсутствие... отсутствие необходимого рвения... дабы врагам не удалось нас побороть – льстиво произнес жрец, сворачивая эксперимент.

Император поднялся. Снова пропела труба. Приглушенные шаги свиты удалялись по дорожке: ш-шорх... ш-шорх... ш-шорх...

Гости расходились медленно, бледные, как после укуса ахи. Многие выглядели подавленными и рискнули уйти, не дожидаясь обеда. Причин столь вызывающего по меркам двора поведения Таскат так и не понял, но ему было очень жаль, что рисунков больше не будет.

В помещении было очень душно.

Танцующие пары в зале спотыкались, и пришлось извиниться и уйти на прежнее место. От кого-то несло страхом, а то и голодом. Сегодня вечером никто не обращает на него особого внимания, и можно продолжать писать. Вопиющее событие он решил оставить на потом, а пока продолжил.

«...Поклонение электрическим силам и использование всего, что только можно потереть или намагнитить, вполне объяснимо – здесь все пахнет озоном, если можно так выразиться. Местные животные, особенно реликты, охотятся со слабым электрическим разрядом. Мне говорили, что в море есть много таких хищников, которые этим разрядом убивают. Даже на рогах пустынных гадюк пляшут маленькие молнии.

Да... почему бы здешнему жречеству не торговать электрическими лампочками? Каждый бы ощутил себя богом или магом, и проблема была бы решена».

Он потер запястье, раздумывая. Хорошо, что аппетит пропал напрочь. Сырой едой невозможно было перекусывать на лету, и здешние зубастые птицы неаппетитны.

Проходящая мимо служанка засмотрелась на него, отставив в сторону свою ношу, но грубый окрик вернул ее к работе. Он в очередной раз заметил, как красивы молодые и как уродливы старые во дворце. Впрочем, не его это дело.

Ха. Кувшин она несла бы на голове, а кинжал почему-то несет на подносе, накрытом платком. Хорошо, что не красный шнурок всем напоказ, чтобы без слов объявить всем о скорой смерти неугодного.

Что они чувствуют, когда им приказывают...

Вот еще... да, о низшем классе:

«Слуги здесь – уже не рабы и пользуются большей свободой, чем можно было бы ожидать, но есть слуги, которые поколениями, родами и семьями служат кланам – что, собственно, не ново. Слуга имеет очень мало прав, и любого можно прижать как угодно (я недавно наблюдал несколько безобразных сцен).

Горожане редко говорят друг с другом запросто, если они не родня. По большей части в столице хорошо жить ремесленнику и даже знахарю – они составляют отдельную общность. Крестьяне живут гораздо хуже городских обитателей, а на окраинах царит обычный феодальный произвол. Возможно, я неправ, но я не вижу тому никаких препятствий.

На этом мрачном, почти средневековом фоне меня радует всего один закон, но он, несмотря на всю свою справедливость, губит многих талантливых людей: человек, проявивший

хоть какой-то талант – никому не слуга, вольная птица. Он освобождается ото всех обязанностей и должен жить отдельно, зарабатывая себе на жизнь своими руками.

Не знаю, как художники, певцы, собиратели фигур (здесь конструктор из тонких металлических пластин – настоящий вид искусства), резчики, посредники и прочие талантливые люди зарабатывают себе на жизнь там, где нет городов – в городах есть хоть какие-то школы, общины, артели этих необычных ремесел, не дающие людям пропасть».

Он хотел написать о государственных школах, где получают бесплатное питание и трудятся все вместе, а воспитанники ходят в форме, о том, как любой, кто обладает нужным талантом, может теперь прийти туда и поступить на бесплатное обучение – особенно последнее время ценятся художники и механики – но пришлось прерваться.

Перерыв закончился, и распорядитель вышел в зал, стукнув об пол здоровенным железом выше его макушки. Всех снова пригласили танцевать, кроме тех, кто был на сегодняшнем представлении.

Таскат лавировал между резко пахнущими людьми, направляющимися в бальный зал, и колоннами. Течение толпы неумолимо смещало его влево, туда, где располагалась большая гостиная. Нужно было подождать, пока все не выйдут, или пристроиться в хвост самому блестящему собеседнику, который будет говорить, не слушая. Сегодня рефлексы его подвели.

За обедом было тяжело. Он любил рыбу, но не с таким количеством соуса и специй. Стол был очень длинный, протянувшийся от стены до стены, и очертаниями напоминал небольшой корабль-иглокол. Таскат уже привык, что здесь едят не в дружеской компании, а просто все вместе, как рота солдат, и садятся по списку, но это его по-прежнему не радовало.

Обязанность посещать приемы и заводить новые знакомства его не так тяготила, как, должно быть, тяготила она многих коммерсантов за этим столом... Его дело было надежно прикрыто со всех сторон – и двором, и советом. Оставалось только хранить секреты. Но разве это само по себе не ловушка для хэлианца? Подумайте, каково это – просидеть в ловушке несколько лет...

Сегодня пришло новое известие: Варта сошел с ума. Два с лишним года спустя после отъезда. Все, что он говорил, сводится к тому, что из Аре придут его убивать. Ро-мени печально сообщал; он так подробно расписывал план возможного захвата убийцами грузового корабля, что производителю были выставлены рекламации.

Как это понимать, Таскат не знал.

Занятый этими мыслями, он направился в угол зала, отгороженный неким подобием пальм, широко раскинувших листья. По ним прыгали какие-то одноножки. Хорошо, что одноножки, а ведь где-то и однокрылки есть... Летают по принципу экраноплана...

Здесь-то его и настигло неожиданное возмездие: нельзя, нельзя задумываться надолго.

Навстречу ему поднялась незнакомая рассерженная, изумительной красоты дама. Он не ожидал ничего подобного и поэтому благоразумно сделал шаг назад.

Благоразумие его подвело.

Он даже не успел задать обычный глупый вопрос. Это было даже к лучшему. Спроси он «кто вы», могло быть и хуже.

– Как вы смеете! – прошипела высокородная. Глаза ее сверкали не хуже драгоценностей.

– Я? Позвольте, я...

– Да, именно вы! Как вы смеете не отвечать мне! Я писала вам целых три раза!

Таскат лихорадочно припоминал, не было ли какой-нибудь корреспонденции, на которую он не ответил бы. Все важные дела в империи решались устно, а потом уже скрепля-

лись письменно. Приглашения... Конверты с жалобами – был какой-то скандал между его слугами и солдатами, охранявшими груз... Еще приглашения... Отчеты... Нет, это он отсылал свои отчеты и соображения советнику по торговым вопросам... Вежливое извещение о казни вора, пытавшегося ограбить чье-то родовое имение, доставлено по ошибке... Личное письмо от смутно знакомого господина, пригласившего его отдохнуть от столицы и приехать поохотиться... Несколько писем якобы от экзальтированных девиц, которые он счел провокацией... И три письма на бумаге, которая распадалась в руках.

Тогда он тщательно вымыл руки, принял противоядие и даже несколько испугался, но решил разобраться с этим делом сам. Ведь его письма, несомненно, просматривали.

Если пропустили именно эти – значит, проверяли, как он к этому отнесется. Тогда он был здорово зол.

– Простите... – попробовал он отшутиться, как только картина составила в уме полностью. Если начнут убивать, то не при всех. И почему дама пахнет кислым и так рассержена? – Я думал, меня разыграли! Это все дурацкая бумага...

– Что?!

Дама сверкнула глазами.

– Я три раза посылала вам письмо! – отчаянно прошептала она, хватая его за воротник. – Три раза! Я позабыла гордость в стремлении завладеть вами! Я поставила на кон все, что было мне дорого! Неужели вы не могли проявить хотя бы немного милосердия!

Если бы Таскат мог покраснеть, как прочие, он бы покраснел. Но за этими пальмами было так темно... И смущение в таких случаях не помогает.

У нее были длинные черные волосы, уложенные в высокую прическу, достававшую ему аж до плеча. Такая маленькая убийца?.. Соблазнительница? Вызов на дуэль?

Дама гневно уставилась на него, тяжело дыша.

Ну почему же здесь нет ни одного свидетеля? Все благополучно исчезают, старательно проявляя деликатность? Что, так принято? Сейчас из меня получится неплохой деликатес... А какой замечательный повод для сплетен...

– Видите ли... – начал Таскат и неожиданно понял, что дама падает в обморок.

Странно. Убийцы не теряют сознание на глазах у жертв.

Он подхватил на руки пострадавшую, опустил ее в кресло и тут же почувствовал на плече чью-то каменную ладонь.

– Как вы вовремя... – проворчал он и обернулся. Его глаза были на уровне чьей-то макушки. – Можете позвать врача? Даме нехорошо...

Посмотрев вниз, он обнаружил, что к макушке прилагается высокий лоб, густые брови, ничего не выражающие глаза, похожие на осколки гранита или воду озера Ре, а еще ниже располагаются округлый подбородок, шея вроде колонны и около ста килограмм мышц. Разнообразно устроенных. Упаковано в синюю форму. Взвешено и найдено слишком ле...

– Следуйте за нами – ответил ему гвардеец.

Через десять минут в комнате верхнего яруса с альковым и стенами, занавешенными драпировками, начался напряженный разговор. Судя по всему, здесь был кабинет начальника стражи.

Эти жуткие комнаты уже начинали сердить господина посланника. То кабинет, похожий на спальню, то спальня с дырой вместо окна...

Пока он предавался неподходящим мыслям, начальник стражи вынул какой-то синий металлический диск с гравировкой, провел им на уровне груди Таската и предложил сказать что-нибудь.

– А что мне говорить? – возмутился посланник. – С каких это пор вас касаются отношения между дамой и кавалером?

– С тех пор, как дам лишают сознания при помощи недостойных способов – сухо отозвался охранитель. – Я сожалею, но нам придется проветрить... эээ... проверить...

Он казался слегка озадаченным, а диск быстро сунул в сумку, как будто Таскат мог его в чем-то уличить.

– Проветрить тоже не помешает – встрял Таскат. – Тут довольно душно... Давайте, я окно открою. А какие еще недостойные способы вы имеете в виду?

– Я прошу вас молчать! – рассердился начальник стражи. – Окон тут нет. Это фикция. Что случилось, госпожа Арада?

– Мне стало плохо... – простила очнувшаяся дама. – Умоляю вас, отпустите этого... недостойного...

– Так он не виноват?

– Нет... Нет. Но он разбил мне сердце. Это хуже укуса ахи. И принесите мне воды, прошу вас. Именно вы.

К ней возвращался обычный железный тон. Начальник стражи поморщился, проворчал «с вашего позволения, это буду не я» и отрядил подчиненного за стаканом воды. Дама села на кушетке и начала приводить себя в порядок. Все двенадцать покрывал на ее плечах, верхняя пелерина и тщательно подобранные цвета ее узора напоминали посланнику пирожное из дорогой многослойной глазури. Ну, не самый старший род, ну, хоть в этом повезло...

Его собственная голова тоже слегка кружилась – не иначе, как от духоты.

– Есть это невозможно... – слетело у него с языка. Начальник стражи немедленно пришел в ярость.

– Что именно невозможно есть?! Что?!

– Пирожное – честно ответил Таскат и попробовал выкрутиться. – Может быть, дама съела не то пирожное? Там были, знаете ли, такие экземпляры...

Начальник только покачал головой. Но не рявкнул. Видимо, тоже пробовал за обедом рыбные пирожные. Он попытался честно продолжить.

– Скажите мне сразу, высокородный посланник! Не чувствовали ли вы в воздухе посторонних запахов?

Таскат поморщился.

– Нет. После обеда мне очень мешала рыба...

– И я – нет! – поспешила вмешаться дама.

– Высокородная Арада, прошу вас не вмешиваться в ход допроса! – опять рассердился начальник. – А не было ли у вас головокружения?

– Нет. Я только протирал глаза...

– У него глаза – опять встряла высокородная Арада. – У него зрачки в темноте светятся.

И опять обмякла на своей кушетке.

Начальник насторожился:

– Какие глаза?

– Мои, – сказал посланник и внимательно посмотрел на доблестного стража. Где-то с минуту они смотрели друг на друга, потом начальник моргнул, отвернулся и отдал солдату какой-то приказ. Солдат немедленно испарился.

– Учтите, высокородный! За применение незаконной магии во дворце полагается смертная казнь без суда и следствия! Я лично должен буду привести приговор в исполнение!

– Что именно вы забыли обо мне прочитать? Я с другой стороны неба. У меня от рождения такие глаза – отбивался Таскат со всей возможной вежливостью. – Вы забыли, что я на вас непохож? Это такой необычный цвет глаз. Если вы погасите свет, вы убедитесь, как именно на них действует полумрак. Или вы тоже впечатлительны, как дама?

Начальник стражи промолчал. Он сердился.

– Все, кто думает и говорит – люди – наставительно заметил Таскат. – Люди делают выводы. Может быть, мне продемонстрировать всем присутствующим во дворце свои прекрасные глаза? Чтобы все убедились, что в них нет ничего страшного?

– Не надо... – полузадушенно попросила высокородная Арада. – Вы испортите прием...

Через несколько дней об этом случае будут знать все и вся – подумал Таскат и перешел в наступление.

– Милая дама, неужели вы не знали, что я издалека? И зачем же было проверять, насколько издалека?.. Или вам было так интересно?

– А откуда вы? – спросил начальник стражи. – На самом деле?

Таскат загадочно улыбнулся.

– Как вы знаете, все сведения о моей личности и моем происхождении засекречены специальным императорским указом. Добыча нейдара чрезвычайно важна для Империи, планы Империи – важнейшая вещь, а я – в сердце этого плана. Так что обращаться нужно не ко мне...

– Так я и думал, что рассказы о другой стороне неба – горячечный бред! – фыркнул начальник.

Вернулся солдат с плотно закрытой коробочкой, в которой что-то шуршало. Он поставил ее на стол и достал оттуда сердитую толстую ящерицу с белым брюхом и хитрой мордой.

Таскат, как ему было сказано, подошел к ящерице, взял ее в руки и некоторое время гладил. Стража насторожилась. Ящерица не проявила никаких признаков беспокойства, наоборот, довольно зафыркала.

Начальник скривился, как будто увидел что-то на редкость противное. Например, себя, плюнувшего в суп императору.

– Ну, не рассказы – заключил он. – Ладно. А теперь несколько вопросов...

Отболтавшись наконец, Таскат вышел из комнаты – рассерженный, растрепанный и расстроенный. Для поднятия пульса, а также – для поправки самочувствия ему срочно необходимо было выпить местного вина. Хотя бы там, в восхитительной комнате, где обычно собирались только мужчины и не было ни одной драпировки – говорили, что раньше в таких комнатах проводились дуэли, поэтому и так! – и ни единого окна. Интересно, как на дуэлях сражались женщины? Непорядок какой-то.

Как по заказу, сейчас там не было ни души – все ушли танцевать, и посланника никто не хватился бы. Официальная часть как раз подходила к концу, а его роль сегодня была невелика. Мог бы уйти и пораньше, если бы не ввязался в занимательную историю.

Посланник решил немного развлечься после утомительной беседы, разогнался за два шага и неслышно проскользил по натертому полу на коленях, стараясь не издавать ни одного лишнего звука. Шелест вышел на диво хорош. Из стакана не пролилось ни капли.

Курительную часть комнаты отделяла стена, похожая на длинный стеллаж из широких деревянных планок, заставленный цветами. Под ним была скамеечка. Таскат сел на пол и вытянул ноги, беззвучно поставив рядом высоченный стакан.

Сейчас сюда ввалится толпа – подумал он. Отдохну и спрячусь туда... Хотя нюхать этот сладкий дым невыносимо...

Он уже начал подумывать о том, не спрятаться ли сейчас, когда его наконец-то развернутые уши уловили подозрительный звук. В курительной кто-то был. Посланник замер и насто-рожился.

Сначала он понял, что за стеной переминается с ноги на ногу человек, испытывающий сильное неудобство. Второй человек, похоже, сидел за столом для курения, куда пристра-стившиеся к дыму высокородные обычно ставили свои плошки, и считал деньги. Тяжелый шелест и звон наводил на мысль, что денег много – плоских монет, а не круглых тяжелых бус. Не будут же высокородные расплачиваться медяками.

– И это все? – раздался шепот.

– Все – обессиленно ответил второй тихий голос. – Остальное будет через три дня. Я дал слово.

– Ваше слово не так много весит, Ольмитт – отозвался первый. – Если бы вы запла-тили в прошлый раз, я бы поверил вам на слово. Но теперь вы должны заплатить втрое и пре-красно это знаете. Моя репутация мне поможет, если вы меня продадите. А ваша уже никуда не годится.

– Вы об этом пожалеете!

– Не пожалею. Я никогда и ни о чем не жалею. Все оплачено. Сметено. Забыто. А если вы захотите прийти еще, вы знаете, что вам достаточно меня попросить. И вы попросите. Вы попросите, Ольмитт.

Второй голос не отвечал. Таскат представил себе молодого, запутавшегося в долгах знат-ного юношу, униженного и разъяренного до такой степени, что не может и слова сказать...

Лучше отсюда уйти, пока не поздно. Но как?

Неужели меня не было слышно?

Или они выйдут отсюда в обнимку, как лучшие друзья?

Он с ужасом понял, что человек за столом видит вторую половину зала, как на ладони, и только поэтому не выглянул посмотреть, кто ходит – и съежился в комок. Потом аккуратно протянул руку за стаканом и неслышно выпил за собственное везение.

– Колдовство дорого стоит, но не дороже жизни – прошипел Ольмитт. – Я вас уничтожу.

– Не уничтожите. И не соберетесь. Ваша жизнь зависит только от меня. Я не намерен убивать вас. Вы платите деньги, я – ищу способы. Но с тех пор, как вы решили меня обмануть, я перестал относиться к вам хорошо.

Ольмитт ничего не ответил, только шипел сквозь зубы, как рассерженная птица. Наконец раздался глухой звон – такой бывает, когда мешочек с золотыми бусами шлепается на стол.

– Возьмите... Это все.

Несколько секунд тишины. Потом опять звон и шелест. Неизвестный вымогатель дей-ствительно не привык верить на слово, тем более – второй раз.

– Хорошо. Благодарю вас, Ольмитт. Не выходите сразу, слуга сейчас возился у входа со своей тряпкой. Сейчас все вернутся развлекаться... в чистую комнату... Вы же привыкли к чистоте, Ольмитт?

В коридоре раздался звук приближающихся шагов. «Сейчас будет толпа» – сообразил Таскат. «Пора уходить. А дверь не так уж и далеко. Если постараться, меня не услышат».

Со всей доступной ему скоростью он поспешно покинул поле дипломатических действий, стараясь красться, как разведчик, и не издавать ни единого звука, слышного несовершенным ушам. На коленях остались ничем не примечательные следы.

Если бы кто-то выглянул из курительной, он мог бы увидеть со спины высокого человека в черном калли и со стаканом в руке, развинченной походкой удаляющегося по коридору в направлении уборной.

Таската радовало, что здесь все-таки есть мужские и женские уборные – меньше хлопот. Мужская была рядом, и это радовало еще больше.

В большом зале было полно народу. Слава богам, прямо здесь не было еды или выпивки: при дворе строго разделяли такие понятия, как «еда» и «танцы». Наверное, из-за рыбы.

Пара проплыла мимо посланника, и он услышал тихий обрывок разговора. «Вы знаете, сколько тогда стоили услуги умельцев старого ремесла?! А теперь их не найти просто так... – и, громко: – И хорошую швею, и хорошего составителя курений... Кстати, как вам мое новое платье?»

Вот как всегда, все об этом – подумал он и вышел из зала, поднявшись по ступеням без перил на галерею. Интересно, как здесь с наркотиками? Вино вином, курево – куревом... Ну, курево, наверное, не вызывает наркотического привыкания...

Он решил припомнить еще какую-нибудь подробность и добавил: а женятся здесь по указке, знатных подростков сочетают родители, а крестьян и горожан – старейшины и городской голова.

Ох, да!... Я вспомнил, зачем я это вспомнил!.. Мужчины должны молчать, пока дама не сделает первый ход, так как мужчина высокого рода не должен быть покорен страстям. Он вообще, кажется, не должен быть.

Это ужас.

Имеет ли он сам шансы на выживание после скандала с дамой? Имеет ли проплывшая мимо дама шансы на выживание при дворе и на новое платье?

На уровне земли, наверху, был выход в сад, где уже сгустились сумерки. В ожидании отъезда Таскат стоял, прижавшись плечом к стене, и гладил пальцами запястье, успокаивался, сочиняя новое письмо.

Ливрейный слуга, наблюдавший за ним с галереи, отвернулся и что-то сказал такому же слуге, похожему на него, как две капли воды. Тот выслушал, кивнул, прошел в белую арку и исчез в синей темноте.

Белое и синее одолевали вечерний сад.

Наступал очередной вечер, в который можно было нырнуть и утонуть в нем, будучи проглоченным какой-нибудь скользкой рыбой.

Он опять помянул проклятые рыбные блюда. Таскат желал советнику по торговым вопросам никогда не подавиться костью – у того был покладистый характер. Редкость при такой должности.

Да, кстати... Надо кое-что перекопировать из заметок и отправить Ро-мени. Он интересовался.

«Уважаемый Ро-мени!

Вы просили меня описать некоторые подробности.

Я долго не мог разобраться, кто здесь правит – матери или отцы. Верхушка аристократии и советники императора – сплошь мужчины, но в совете есть один-единственный влиятельный человек, заправляющий делами столицы и строительством – Эрини, властная женщина в возрасте. Она у всех на устах, но за все время пребывания здесь я не слышал ни одного оскорбительного комментария или шутки на тему женщин, занимающихся не своим делом.

Среди Сахала, похоже, тоже есть женщины, но я об этом ничего не знаю. Никто не проносит вслух имен жрецов. Я даже не могу понять, кто из них главный.

Здесь один язык, но так много разных способов жить по-своему... Как они не ссорятся и не воюют? Тем не менее, каждый город обязан поставлять в армию обученных солдат.

Войны, если так можно их назвать, есть только на границах, там, где живут племена макенгу, не признающие империю. Об этих людях (племенах, может быть, другом государстве) я почти ничего не знаю, только это название. На нашей карте эта территория обозначена как принадлежащая аар или Исху. Об этих людях уже несколько лет запрещено говорить: я опять не знаю того, что знают все, и это отвратительно. «Была стычка», «отвоеван такой-то город»...

Все знают. Все все знают, кроме меня.

Что это такое?

Зачем им, диким варварам, якобы нападать на огромную империю? Может быть, это империя расширяет границы? Как они еще живы?

Очевидно, пояс дождевых лесов таит в себе много секретов.

Новости, приходящие с этих размытых границ, обсуждаются то в одном, то в другом ключе. Я мог бы тысячу раз попасть впросак, поэтому при всех подобных разговорах делаю вид, что мне неинтересно. Проще слушать.

Лучше опять о женщинах.

Любопытно, что в захолустье, где часто, вроде бы – патриархат, есть женщины-постоянные исключения. Старшая дочь в семье – особенно дочь главы племени или главы самого влиятельного рода – это большая сила. Ей дают самое большое приданое: ей, по традиции, поручают поиск родников: она может советовать отцу; выходя замуж, она получает все, что захочет забрать с собой, и может изменить судьбу семьи мужа, если род, в который она выходит замуж, не велик и ничем не славен. Род получает новое имя или начинает считаться ветвью рода девушки.

Выйти замуж в своем городе или деревне она не может и обязательно должна уехать туда, где живет ее муж. Все провожают ее с великим плачем, как будто умирает солнце.

Можно сказать, что принцессы здесь – настоящие принцессы, хотя называют их иначе – и все, что в сказках полагается принцессам, им непременно достается.

Объясняется это тем, что в старину, когда во время набега убивали всех, род начинался заново с любой его представительницы, выжившей после набега. Если это и патриархат, то установился он не так давно.

Юная девушка имеет большее влияние, чем юноша, несмотря на подчиненное положение всех молодых людей – а самой большой удачей в юности считается удачная женитьба. Это хороший задел на будущее.

Зрелый, деятельный человек пользуется самым большим влиянием. Детей здесь за людей не считают: часто им даже не дают имен, пока они не войдут в пору юности (к счастью, в больших городах этот обычай отмирает). Часто даже образованные и богатые люди не знают, сколько лет их ребенку, отданному на воспитание (есть и такая практика). Видимо, они даже не отмечают дату его рождения.

Наследников выбирают из тех, кто благополучно пережил пору детства.

Все в жизни ребенка, подростка, юноши зависит от принадлежности к роду, а не к той или иной семье. Родство может считаться и по мужской, или по женской линии – это зависит от того, кого, по легендам, рождалось больше в роду, богов или богинь. (Что они будут делать теперь? Ведь легенды о богах тесно соседствуют с рассказами о магах)...

Боги в здешней традиции не существуют без людей: возможно, они в них воплощаются?

В одних племенах все решают мужчины, в других – женщины, но я не заметил особой разницы в положении тех или других в пределах Исха и Аре. Хотя, конечно, нужно там жить, чтобы понять.

Исключение составляют «неприкасаемые» – деревенские колдуньи-сахри или «схени», законницы – тоже безымянные женщины, положение которых мне пока непонятно. У них нет имен, что само по себе странно, но объяснимо с точки зрения местных жителей: поступающий на важную должность или государственную службу человек тоже теряет собственное имя. Как я понял, они гадают и решают какие-то споры.

Возможно, здесь горе молодым, тем, кто еще не вошел в пору зрелости и не может постоять за себя – но горе и старикам, за которыми не стоит большой, влиятельный клан, старикам, которых все меньше. Я почти не вижу на улицах стариков».

12

С наступлением ночи бабушка разжигала огонь в печи.

Днем все спали. Внуки быстро приспособились гулять ночью, спать днем и не выходить на улицу без особой надобности. Сейчас все семеро, усевшись в кружок, сидели в углу подвала на циновках, играли в палочки. Их мать, Этте, спала рядом, свернувшись в клубок, как панцирина, а рядом спал восьмой брат.

Они старались не отходить далеко от дома. Казалось бы, кто будет что-то искать в заброшенном доме на склоне горы, поросшей лесом? А поди ж ты... Уже три раза мимо проходил отряд, проходил и возвращался.

Тот раз, когда солдаты осмелились зайти в дом, можно было и не считать. Дочь до сих пор вздрагивала, когда дети возвращались, набрав хвороста – мало радости слышать звук чужих шагов над головой.

Ничего, еще полгода, и можно будет перебираться ближе к Айду, туда, где живут оставшиеся родственники. Конечно, камень придется бросить... Камень, несомненно, проживет и без них. Хотя без него будет и скучно, и сил будет меньше.

Она положила растопку в черный зев печи, щелкнула пальцами и раздула огонь.

Первый муж был уверен, что у них будет своя башня. Если не он будет магом, то наверняка она – богиней. Она переродится. Ну как же – кто еще может прийти к непостроенному дому, не зная, где строят! Кто найдет там мужа, не спрашивая старших! Кто, как не она, нашел их собственный черный камень! И, опять же – родословная... Две богини в роду... Знаменитый брат, прекрасный маг и изобретатель...

Но богиней она так и не стала, а вместо этого взяла себе имя и стала танцовщицей. Не стала ни колдуньей, ни богиней дочь, хотя камень признал ее и говорил с ней. А с мужем камень не захотел говорить. Отличный, огромный подвал и крепкий фундамент, заложенный под башню, пропали даром. Над ними возвели обычный одноэтажный дом, правда, хороший...

Вот и вся жизнь у нее была такая. Обычная, правда, хорошая.

Дочь-плясунья, не получившая дара, нашла себе хорошего подходящего мужа и обзавелась восемью детьми. Дочь очень помогала. Бабушке давались только цветы и сад, но не огород – все-таки колдунья. Когда начались беды, а потом и кончились деньги, они поменялись обязанностями – бабушка взяла на себя внуков, а Этте – пропитание. Взгляды стражи пока не опускались ниже тех, кто мог платить. Этте ходила в город и танцевала на улицах, собирая подаяние.

Мальчики постарше подбивали камнями птиц, ловили больших стрекоз и ставили силки, собирали головки хвоща и копали корни лоз. Посадить что-то в огороде уже было почти невозможно – дом должен был выглядеть запущенным, а диски стражников сводили на нет попытки защититься, отводя глаза.

Она разогнулась, потеряла спину и поморщилась. А ведь до того, как ее согнуло, она была высокой и стройной... И этого почти не осталось.

Приготовив обед, бабушка достала из сундука небольшой слиток, отливавший голубым блеском, и сосредоточилась. Воспоминания текли привычным потоком.

... Не из каждой колдуньи вырастает богиня, и ученость ее нигде не пригодилась – когда брат ушел в свою башню насовсем, никто из его товарищей не согласился взять к себе сестру. То ли круговая порука была виновата, то ли учености маловато оказалось, то ли уже начинались те страшные дела, из-за которых погибли многие. А потом и он погиб.

И она осталась жить здесь, в доме с садом, с Этте и внуками...

В ее руках слиток размяк, как кусок воска.

Бабушка смяла его пальцами, отложила большой кусок на скамью и стала катать нейдар между пальцами, готовя заряд. Скоро у нее получилась недлинная палочка, а потом еще, и еще, и еще... Простая работа, но требует внимания, вроде плетения кружев. Нейдар требует особенно много внимания. Через полтора часа на деревянной доске сверкали двенадцать палочек, которыми можно было зарядить ружье.

Жаль, ничего от них после выстрела не остается. Летит молния. А металл сгорает...

Порядка ради она начала вспоминать, как и при каких обстоятельствах они отняли это ружье у случайного стрелка. Ему удалось подранить Этте, к тому времени оставшуюся без мужа. Предатель, сволочь, шестиногий, ушел и не появился, ушел и...

А старшие дети, что Первый, Второй, что Третий, прекрасные охотники – стрекозы не боятся, больших птиц не боятся.

Для того, чтобы плавить металл, некоторым просто необходимо рассердиться.

– Бабушка-а... – раздался за спиной надоедливый голос.

Она обернулась. – Чего тебе?

Пока еще безымянный подросток потянул ее за рукав.

– Бабушка, а мне скоро?

– Скоро. – Кивнула бабушка. – Скоро я тебя посвящу... Только надо будет найти того, кто даст имя. У тебя же сейчас ни учителя, ни отца. Но ты не беспокойся. Либо мы найдем, либо камень сам разберется.

– Бабушка, а как это бывает?

– Ты его потрогаешь и поговоришь с ним.

Внук молча смотрел на бабушку огромными глазами.

– Ты чего?

– Но я же его трогал...

– Да ты врешь, медная стружка!

– Никакая я не медная стружка! Я – Эттин.

– То есть как? – бабушка схватилась за сердце. – Он тебе уже и имя дал? И ты мне ничего не сказал?

– А ты у него спроси...

Она потянулась надрать ему вихры, чтобы не врал, но внук отскочил.

– Нетушки! Я уже взрослый! Чанка-песчанка!

– А вот я тебе, чтобы не обманывал старших! – сорвалась со скамейки бабушка и ринулась за неслухом. – Вот я тебе!

– Нетушки-нетушки!

«Тихо вы...» – послышался хриплый, негромкий голос. Голос шел ниоткуда, но бабушка его хорошо знала.

– Да хоть ты ей скажи! – заорал несправедливо обиженный внук. – Ну скажи ей! Нельзя же имена давать по второму разу! Ремесло так ремесло! И за волосы уже нельзя!

«Действительно, нельзя. Тебе уже двенадцать лет. Ты ученик и в будущем – маг. Но орать в доме тоже нельзя. Недопустимо орать в хорошем доме».

Бабушка присела на сундук отдышаться. Ей было как-то не по себе.

Эттин уже отбежал к остальным и дразнился, показывая язык.

– Эй... – позвала она. – Ты что... Их всех уже признал? А как же испытание?

«Всех, кроме одного. Он будет, как ты».

– Ой... не надо, как я... Горе какое, огромное...

«Это как не надо?» В голосе камня слышался непонятный сарказм.

– Да как это не надо?.. – чуть не закричала бабушка. – Я богиней могла стать! Я горы хотела свернуть! А пришлось всю жизнь над колыбелью рыдать, детей воспитывать! Так мне ничего и не было!

«Так ты же не только детей... Ты же плясала. И знала счастье. И у высокородных знали тебя, и даже в дворцовом квартале Аар-дех выступала... Тебе венки на шею вешали, тебя двадцать лет любили, как богиню... Тебя любили...»

– Да проку в том! Все одно не та, которой могла бы стать. Горе мне всю жизнь. Сплошное горе. Хотела пойти на улице танцевать, чтобы семье не пропасть, а за мое умение деньги брать запрещено – посылай дочь, жди, когда ее приберут! Хотела в башне работать, а брат с учениками закрылся. Хотела на небе жить, а пришлось сопли внукам вытирать... Лучше бы меня живой в землю закопали!

На глаза старухи набежали слезы.

«Но ведь это ты вместе с братом придумала, как стрелять из ружья. Не будь тебя, так до сих пор и возились бы с этим бурым порошком».

– Ты понимаешь, о чем говоришь? – сердито отозвалась бабушка. – Теперь нас убивают из этих ружей!

Камень замолчал.

Дрова уже прогорали. Она взяла полено, поставила на торец и со всей возможной злостью ударила топором.

– Горе у меня! Ничего, кроме горя! И будет так до самой смерти! До... самой... смерти!

«А семеро внуков-колдунов – это тоже горе?» – вежливо спросил камень.

– Так сама-то я никто! Что я тут могу – своими руками? Вот этими руками? Пока они не вырастут, кем я буду? Ни славы мне не досталось, ни счастья!

«А кто их учить будет?»

Бабушка опустила топор. Как бы ей ни хотелось горевать и плакать, природная ясность ума все-таки брала верх. Она ненавидела эту проклятую ясность.

– Ну, значит, я. Я – никто. Растянутое чрево, одряхлевшие руки, разрушенная песня о той, что могла стать великой. Я – никто.

«А прародительница великих магов – это никто?..»

– Ишь ты, прародительница! Прародитель – это всеми забытый кусок мяса, от которого считают потомство, как от форра! Надо быть еще и человеком! – она погрозила потолку кулаком. – А кто считает детей за людей? Кто вообще считает детей, плодя их без счета? Один, второй, третий... Тьфу... Ладно, замолчи, старый дурак. Надоел ты мне. У тебя-то никогда и никого не убивали...

«Из них выйдут хорошие продолжатели старому ремеслу».

Она швырнула колобаху в печь.

– А мне что? А я сама – кто? Пустая бутылка, мелкий шерех? Точка отсчета? Дура я во сто лет! Прародительница, тоже мне... Замолчи, не трави душу! Дурак. Сколько лет уже с тобой разговариваю!

Камень не отвечал.

Бабушка заглянула в глаза внукам, потрепала каждого по голове, поцеловала в лоб. Может быть, и доживет до возможного величия. Если не будут бегать в лес без разрешения.

– Давайте, скажите хоть, как вас теперь зовут! Будущие великие маги... Ой-ей! Когда же мне будет хоть немного покоя!

Этте пошевелилась во сне, прижав к себе ребенка, который получил имя задолго до срока.

Она подошла к дочери и потрясла ее за плечо.

– Этте... Этте, проснись. У тебя все дети выросли. Все.

13

На следующий день Таскат проснулся поздно и чуть не опоздал.

Болела голова. Отчаянно болела, так, что можно было сойти с ума. Он хотел было отправиться в библиотеку, но пришлось идти совещаться.

После вчерашнего советник по торговым делам был сама любезность.

Наверняка у тебя тоже болит голова, червяк ты высокородный – мрачно думал посланник, вставая в кресло с высокой спинкой. Она болит у тебя... Болит... Болит... Ну не может ведь быть, чтобы у такой сволочи не болела голова! Нельзя же заставлять меня бежать втрое быстрее, только бы остаться на месте... Что за издевательство...

Советник положил на стол большой лист коричневой бумаги, от одного вида которого у посланника уже начинали ныть зубы.

– Высокородный Таскат, прошу прощения, но я вынужден присоединиться к протесту, заявленному группой известных вам лиц. Объем вывозимого вами металла вырос в два раза по сравнению с прошлым годом. Этого мы не можем себе позволить.

– Почему – не можете? Мы отгружаем вам все, что положено по договору.

– Но себе вы берете в два раза больше...

Спорить на эту тему было очень утомительно. Во-первых, это было бессмысленно. Во-вторых, советник прекрасно понимал, что для переработки такого количества металла нужно еще несколько фабрик. Фабрики он строить не собирался. Даже армии не требовалось столько нейдара, сколько он пытался выбить из корпорации. Хэлианцы добывали бы металл, а он клал бы его под подушку. Тоже, можно сказать, эн-тай.

А вот если бы кто-то вывозил с Земли свинец или с Хэле – пальмы, интересно, устраивали бы ему такие изумительные сцены?

Мысленному взору посланника предстали протянувшиеся до горизонта склады, забитые одинаковыми брусками, парящий над ними довольный император и круговая диаграмма как символ равноценного обмена. Диаграмма имела необычный вид, представляла собой двух толстых змей, черную и белую, хвостом к голове и головой к хвосту, а подпись под ней гласила: «Нам и Им».

– Если вы не согласны с этим высказыванием, вы можете собрать свой волшебный ящик, положить в него машины и улететь – улыбнулся советник. – Вы даже можете забрать с собой годовой запас со складов. Но для этого нужно...

– Заколдовано оно, что ли? – разозлился Таскат. – Для этого нужно разрешение на вывоз, которое можно получить только от вас! Мы не собираемся отсюда уходить, и вы это прекрасно знаете! Вам это выгодно! Это выгодно целой отрасли – очищенный металл, высокое качество, быстрая добыча! Мы просто берем третью часть не деньгами! Я перекроил контракт еще два с лишним года назад, и до сих пор он вас устраивал! Все зависит от вашей подписи, и вы почему-то не ставите этот росчерк! Если вы его не поставите, я официально запрошу... нет, не убрать наше представительство с планеты... уменьшить объем добываемого в три раза. Ваша армия будет получать в три раза меньше денег, в три раза меньше боеприпасов, так как это процент от добычи, а мы возьмем свое. Вы не можете контролировать погрузку в корабли. Да, не смотрите на меня так. Я знаю, что ваша промышленность за последние два года забросила шесть месторождений. Все хотят иметь дело с нами. У нас автоматика. Зачем вам вообще ружья? Ведь у вас мир. Мир на всем континенте. Все для мира, не так ли? Все для мирной жизни?

Советник хотел что-то сказать, уже набрал воздуха – и остановился.

Недипломатично, подумал Таскат, глядя, как он что-то пишет на листке бумаги с золотым отливом. – Но если сейчас не надавить, то когда?

– Тайген, – обратился советник к человеку, одетому в цвета дворцовой службы. – Прошу вас, отнесите это в канцелярию.

Молодой человек, кстати, не такой уж и молодой, взял письмо и вышел. В дверях он остановился.

Подмигнули или показалось? Зачем? Кто это такой? Опять какой-то унылый ребус с интригой в конце?

Таскат окончательно разозлился.

Низкие люди пытались бунтовать – вспомнил он. Им пришлось оказать неслыханную честь и послать несколько отрядов в бывшие шахтерские города, чтобы сохранить мир. Несколько лет назад солдат вооружили бы копьями и арбалетами, а не ружьями. Все для мира? Все для мирной жизни? А я ведь в этом тоже виноват.

– А почему вам так дорог нейдар, без которого вы могли бы и обойтись? – ядовито спросил посланник. – Сверхпроводник, подумать только... Непременно нужен какой-то сверхпроводник! Ведь основное в ваших ружьях – не механизм, не нейдар, а сам секрет их производства! Все равно их больше нет ни у кого! Вы могли бы делать стволы хоть из дерева, а заряды – медными! Оловянные пули отливали бы! Дешевле обошлось бы и не пришлось со мной разговаривать!

– Да хоть из арата! – отбился советник. Арат, припомнил посланник – это смесь навоза панта еще с чем-то, из такой смеси и сухих камышовых плит на юго-востоке империи строят дома. – Вы не хуже нас знаете, почему нейдар – лучше и дешевле всего, что у нас есть. И вы его вывозите каждый год, оставляя нам жалкие крохи – должно быть, вы уже богаты, как основатель рода! Я, конечно, благодарен могущественному правителю, указавшему вашей корпорации путь в наши отсталые земли. В конце концов, благодаря вашим рудникам мы можем хорошо вооружить армию и отбросить варваров с границ. Но что-то вы последнее время слишком упираете на это.

Таскат хотел сказать, что лампочки – штука более полезная, но промолчал. Лампочки лампочками, но их почему-то никто не производит в таких количествах. А ружья – вот они.

Только кто же тебе бесплатно даст столько нейдара, чтобы обеспечить ружьями целую армию? И, главное, зачем? Ружья не бьют далеко. Обычное вооружение – арбалеты, копья, короткие мечи, луки... И, непременно – отряды стрелков.

Зачем это неслыханное перевооружение в мирном государстве?

Советник был великолепен. Он защищал Родину, готовую пасть жертвой торговой Интриги, и отстаивал Металл.

Советник бродил по комнате, то заложив руки за спину, то воздевая их к небу, и яростно говорил. Среди прочих слов, которые ухо посланника уже было не в силах воспринимать, были такие, как «сырьевой придаток», «не позволим уничтожить народное достояние», «пересмотреть договор об ограблении» и даже «следовало бы запретить вам». Он был отчасти прав, позволяя себе такие словесные конструкции. Его священное величество было временно недоволено посланником. Сахал был недоволен вооружением гвардии и своих собственных, недавно появившихся отрядов. Надлежало что-то выжать из посланника, пользуясь моментом. Хотя бы золота побольше, что ли...

– Но ведь не золото же я вывожу! – отбивался Таскат, понимая, что основные позиции сдавать нельзя. – У нас, между прочим, золото – технический металл! Если бы не запрет моего правительства, я бы ввозил сюда и золото, и сталь высокой пробы. И вольфрам. Мое начальство обрадовалось бы. Но я вожу нейдар, потому что вы согласны его вывозить, и плачу вам серебром, которое для вас имеет большое значение, и топазами, которых у вас почти нет. До нашего появления здесь вы и не задумывались, что он может кому-то пригодиться! А сейчас вы идете на попятный.

– Что скрывается за словом «вольфрам»? – прищурился советник. – А?

– Вам нужно практическое применение вольфрама? Наверняка уже сейчас многие высококорродные хотят себе такое же освещение, как во дворце. Это металл, который в чистом виде не годился бы для ружей, но прекрасно подходил бы для ламп. Если добавить в сталь немного, получится хорошая сталь, но вам это пока не нужно, а вот для лампочки... Тут нужен сплав. Ниточка, знаете ли... проволочка... Его бы нужно было не так уж много...

– Не предлагайте нам ввозить предметы роскоши! – оскалился советник. – Вы сами намекали, что в вашем государстве это не принято – ввозить в отсталые земли предметы роскоши и чуждое оружие... Вы еще предложите ввозить, например, ткани, которые делаются на ваших чудесных станках и стоят копейки, и попросите за них половину годового дохода! Или... – он задумался, пытаясь выдумать что-то небывалое. – Или какие-нибудь маленькие накопители молний размером с полпальца.

Лучше бы я оскорбил жречество, подумал Таскат через полчаса, когда в ответ на цитирование статей договора советник предложил перечеркнуть две из них, в которых говорилось о неприкосновенности территории рудника и самих машин. В ответ на это он заявил, что это – купленная земля, охраняемая земля – и, пока договор в силе, никто не должен, согласно имперским же законам...

Советник немедленно проявил благоразумие и предложил, действительно, вдвое урезать поставки, но увеличить количество металла, которое рудник поставяет империи. Вы же сами предлагали, господин посланник? Таскат вежливо не согласился, сказав, что он предлагал вовсе не это, и предложение зафиксировано письменно, что он знает, как работают здешние фабрики, и такое количество они не переработают никогда, особенно если прибавлять и прибавлять работы каждый месяц. А если учесть, что ружья производят только в Аар-Дех, а оттуда рассылают по всей империи... Кстати, я плохо понимаю, почему вы так делаете...

Советник чуть было не открыл посланнику еще два города, где производят ружья, но вовремя замолк.

Таскат воспользовался этим и намекнул, что мог бы и увеличить добычу металла... Нет, платить больше корпорация не намерена, и это последнее слово... Но ведь нейдар не течет из земли сам? Он в ней не растет? Вы никогда не добывали его в таком количестве? Он же кончится, несмотря на наши щадящие способы добычи. Ведь придется сначала искать еще одно месторождение, такое же богатое, чтобы нейдара было больше... Или разрабатывать то, что у вас есть, и при этом перевозить машины... Этак мы выкачаем из вашей земли весь металл, вы привыкнете – и покроете рудниками всю землю, истощив ее! Или вы хотите у нас купить второй комплект и нанять меня работать с ним? Второй раз корпорация не позволит господину посланнику работать за сырье...

Советник странно посмотрел на него и уточнил, что металл в земле – растет. Это знают даже дети. Достаточно его не трогать, чтобы побольше натекло. Но если высококорродный Таскат предлагает все более и более запутанные решения этой очень простой проблемы...

Когда все закончилось, все пожелания сторон оказались там, где и были в начале переговоров, а договор – нетронутым. Это было больше, чем ожидал господин посланник. Могло быть сильно хуже. И в несколько раз смешнее.

Ага, вершина взята!

Внезапно нахлынувшие воспоминания о том, как он целую вечность назад – перед отлетом на эту землю! – бродил по своей земле свободно и вольно и смеялся с друзьями, стоя на вершине горы, были совершенно некстати.

Он пригасил улыбку. Еще не хватало сиять и радоваться, когда у противника такое кислое выражение лица. Господин советник не умеет проигрывать, значит, и издеваться ни к чему.

Они подписали все необходимое заново, призвав на помощь жреца. После этого Таскат все-таки пожаловался на головную боль. Надо было хоть чем-то порадовать советника. Тот был уже совсем серый. При пепельно-смуговой коже такая бледность выглядела впечатляюще.

– Конечно, на улице такой ужасный туман. Наша столица может сегодня показаться вам негостеприимной... Советую вам вернуться к себе и не выходить на улицу.

Таскат понял бы это, как издевку, но советник печально смотрел в стену.

Интересно, как к нашим запутанным делам относится само население этого государства? – подумал посланник и понял, что может этого никогда и не узнать.

Он кашлянул. Голова отозвалась резкой болью.

– Я и сам не люблю этот смог, – сказал печальный советник. – Он приходит с озер, это дымится озерная кровь. Задерните шторы плотнее. Никто в такую погоду не выходит из дома, особенно дети... и те, кого обязанности не вынуждают уходить по делам. Я завидую детям.

Как же редко здесь упоминают детей – подумал Таскат, выходя на улицу. Но куда мне тут идти?..

Туман был глубок.

Он сгущался над крышами домов, придавая городу какой-то неопрятный вид. Серый, как изношенный плащ, и такой же бархатистый на ощупь...

Таскату неожиданно понравился туман. Он высунул руку из паланкина, чтобы потрогать его рукой, и полюбовался, как проходят между пальцами почти осязаемые струи.

Где-то прошла колонна воспитанников имперской школы, возвращаясь в длинные дома, и гулкий звук шагов вчерашних детей растаял в тумане. Туман заполнил собой черный квадрат караванной площади, древние камни высокой ограды, на которых от века царапали проезжие свои пометки – «около Ти нападают грабители», «прибыли в столицу первого числа такого-то года», «в сотом году пересох источник у храма Грозы» – длинный гостевой дом, птичью привязь и мокрые, молчаливые, пустые торговые ряды. Пахло чудесами. Занавеси паланкина колыхались, и сине-серебряный поток лился за ними – можно было бы проникнуться благоговением перед этим чудом природы, если бы не кашляли носильщики, не зажимали украдкой рты.

Отряд стражи остался на воротах – зачем беспокоить высокородных в дворцовом квартале? Только у дверей башни встали, как обычно, двое одинаковых плотно сбитых парней, проводивших посланника хмурыми взглядами.

Надо было заставить себя еще раз написать Ро-мени, не отступая от заведенного порядка: чем больше дел, тем больше лечебных писем. Надо было еще раз подчеркнуть, вводя начальство в полезную ярость, что мирное государство не означает мирных методов, и губить того же Варту, человека неагрессивного, было жестоко и недальновидно. (И что с ним теперь?) Вообще надо было хоть что-нибудь написать.

Он свернулся в одеялах и какое-то время пролежал так. Комната была похожа на корабль, угодивший в штиль.

Не хотелось даже швырнуть в стену кружкой. Вообще не хотелось ничего...

Он услышал какой-то шелест и поднял голову.

По стене ползло крупное насекомое, похожее на стрекозу, и шевелило усами. У него были золотые глаза.

Таскат сел и с подобающим поклоном, улыбаясь, обратился к гостю;

– Привет! Здравствуйте, высокородное чучело! Не хочешь ли поторговаться за право свободного проползания?

Возмущенное насекомое расправило крылья и взлетело.

– Да... Не так давно мы веселой компанией штурмовали водопады, а теперь, наверное, и компании никакой не осталось – бормотал Таскат, поднимаясь и шагая по комнате. – Приеду, и кто меня встретит? Сдохну тут в этом безвременье. Или нет... Не сдохну. Что за бред, в конце концов! Игра есть игра! А!.. Харр!..

В окно вползал туман, за который имел глупость извиниться советник по торговым делам.

Посланник перегнулся через подоконник и ощупал камни. Как эта мысль раньше не пришла ему в голову? Неприлично, видите ли. Непристойно. Недостойно его положения, как же так!..

Ай-яй!.. Хватит!

Он собрал небольшую поясную сумку – мало ли что – выпустил ногти на руках и ногах, потрянул отросшими волосами, прижал уши и ловко спустился по стене, обойдя стражу, прокрался через сад, радуясь тому, что не потерял нужных навыков – хорошо бы не стряхнуть ни одной капли росы!..

Дворцовый квартал не был обнесен серьезной, основательной стеной. Кварталу не повезло. Он не смог удержать посланника.

Посланник пошел играть в прятки.

14

Открывая лавку и убирая на день ставни, хозяин казался совершенно невозмутимым, хотя и поглядывал на гостя, который пришел первым. А гость, несомненно, это замечал.

Сегодняшний посетитель был не очень-то похож на столичного жителя. С первого взгляда, честно говоря, он был похож на средней руки молодого купца, приехавшего в Аар-Дех с большими надеждами и успевшего познать несколько крупных неудач. Но осанка, осанка... У такого человека нет привычки кланяться, да и вертеться он не очень-то способен. Нечто нездешнее в облике читалось с первого раза. Откуда такой?

Ах, да... Лицо его с широкими скулами было темнее, чем большинство лиц, которые приходилось изменять, раскрашивать и портить хозяину лавки за всю его долгую жизнь. Странно, что это незаметно с первого раза. Отводит глаза? Тогда почему бы ему не сделать все самому?

– Проходите, уважаемый.

Гость вошел в дверь, осмотрел первую комнату, в которой были выставлены саваны и доски для погребения, и замешкался, стоя перед каменной стеной.

– У меня нет способностей к старому ремеслу, никар. Я всего лишь скромный гонец, старший брат, которому следует узнать вашу историю и донести ее нашим людям в целостности и сохранности. Откройте.

Хозяин повел рукой, и в стене открылся дверной проем, в который и шагнул темнолицый, споткнувшись на пороге.

– Садитесь, я разрешаю. Давайте письмо. А теперь, не тратя времени, говорите, что вам нужно: изменить внешность? Отдать груз и свиток? Или то, третье?

Гость покачал головой.

– Моя внешность меня устраивает, благодарю вас, никар. Если я не захочу, никто не будет обращать на нее внимания, потому я к вам и приехал. – Говоря это, он незаметно расправлял плечи и, казалось, становился выше ростом. Выше, выше... И вот уже на месте купца-неудачника стоит большая хищная птица, сидит и разглядывает тебя, и хочет съесть. – А то, третье – это летающие лодки?

– Да, уважаемый. Так вы... из лесов? Любопытно. Я всегда мечтал узнать, как выглядит человек из дождевых лесов. Это ваш естественный вид или вы всегда ходите в одежде?

– А вы всегда работали гробовщиком? – невежливо огрызнулся гость. – И жили в доме со стенами толщиной в два чаха?

Хозяин в замешательстве огладил черную бородку.

– О, простите. Нет, конечно, но после указа о магах мне пришлось очень быстро сменить лицо, дом и работу. Лишь семья осталась неизменна... А теперь пойдем в комнату. У меня есть, что вам показать.

В комнате, на столе, стояла странная игрушка, похожая на лодку, к которой кто-то приметал грубыми нитками плавательный рыбий пузырь. Темнолицый взял ее в руки и повертел, приглядываясь. Хозяин обернулся к полкам, доставая какие-то свернутые в рулоны листы желтоватой бумаги, и продолжал:

– Если уж говорить о лодках, то с самого начала в них не было ничего страшного. Раньше это казалось кощунством, но ведь и предки наши были птицами, а когда пошли слухи о кораблях с другой стороны неба, с которыми сотрудничают жрецы, ученые решили, что и нам это

под силу. В конце концов, как-то предки этих, на кораблях, попали на другую сторону неба! Если у них есть корабли, они не крылаты.

– Да, я помню. Но, если я не ошибаюсь, первую летающую лодку сделал мастер, который даже не был магом.

– Нет, что вы. Был. Он жил в башне, недалеко от Марисхе. Но он был так неосторожен, что рискнул показывать свое изобретение всем подряд, и его прибрали.

Темнолицый вздохнул. Прибрать человека – раз плюнуть. А через несколько лет с такой летающей лодки можно разбрасывать яд, или погрузить в нее десятка два человек с ружьями, которые выжигают с воздуха лес, и никто не сможет ничего сделать – ни маги, ни люди.

– Вы узнали, почему эта нелепая штука недоступна для магии?

– Пока нет – развел руками хозяин. – Если бы знали, сами были бы очень довольны. Но ни один маг ее убить не может. Сбить ее в воздухе – отличная идея, проткнуть пузырь – тем более, но пока что их удается убить только на земле. Как только эта дрянь взлетает, вокруг нее возникает какое-то искажение. Снаряды летят мимо, ружья бессильны... Если пузырь поднялся, его не достать. Такое впечатление, что они живые.

Фигурка выплыла из рук темнолицего и повисла в воздухе. Он зачарованно наблюдал за ней. Живая картина медленно разворачивалась вокруг: лодка плыла над бобовым полем, и вокруг нее полыхали молнии, и темная туча висела над ней, но лодка оставалась цела. Медленно вращались плавники. В борт ударил камень: она покачнулась.

Войско вышло на поле, топча посевы. Арбалетки дали залп, но стрелы по неизвестной причине не попадали в цель: горящая стрела из лука отклонялась или не долетала: камень не мог ударить с нужной силой.

Лодка поднялась чуть повыше, и огненный снаряд не причинил ей вреда.

Картина изменилась: лодка качалась у причальной мачты, и к ней по лесенке карабкались люди. Кто-то проткнул пузырь и поднес факел: полыхнул взрыв.

– Чем они наполняют свои пузыри?

– Водородом. Этот газ так называется, потому что, если он загорится, образуется вода. Взорвать его легче легкого. Еще во времена Войны люди знали, что некий газ получается, если травить металл кислотой. Только они называли это «неведомым воздухом». Приручить обычный воздух нельзя. Пузырьки этого газа легче самого воздуха, и никто не может им дышать. Надувать шары, несущие небесные лодки, можно было бы и горячим воздухом. Но газ, полученный с помощью молний, выходит обильнее, его можно хранить под давлением, он гораздо легче, лучше... и это соответствует духовной вертикали! Понимаете, дорогой собрат? Чем святее, тем лучше.

– Нда... – покачал собеседник головой. – Печальное зрелище. Им нужно не только убить нас, им нужно еще и оказаться при этом святее всего святого. Если бы можно было хотя бы сделать им ловушку из ветра, если бы можно было забросать их камнями... Но стоит им подняться чуть повыше, и они неуязвимы. Неужели с этой грубой, примитивной машины они способны охотиться на магов, как на крыс? Вы тоже пострадали...

– Не в этом суть – нахмурился хозяин. – С ветром у нас плохо получается. Помните трактат о ремесле? Никто из людей не способен летать, ни колдовским способом, ни обычным. Это не заложено в человеческой природе.

– Почему?

– Да что с вами, уважаемый? Ваша страна слишком полагается на силу лесов, могучих корней, силу земли, которая вас носит, силу зверей. Потому и магов у вас немного – лес вас слишком балует. Вы способны запутать эту нелепую конструкцию в лианах или загнать в крону

банххи. Но никто и никогда на наших равнинах не мог удержать ветер. Если только спросить у драгоценных наших братьев, живущих у моря. И то им приходится заклинать и удерживать воду, а не воздух. Все, кроме воздуха, понимаете? А создать в воздухе такой разряд, чтобы убить летающую лодку, способен только тэи. Покажите мне сейчас хоть одного. Одного живого тэи. Одного тэи, не погибшего во время облавы. Пусть он будет на нашей стороне.

– Н-да...

И только тут они замолчали.

15

Поэт Четвертый, неожиданно воскресший посреди шумного города, в этот раз чувствовал себя не так уж плохо.

Город был маленький, но разделенный на четыре части, и одной стороной выходил к морю.

Одна часть была шумной, там, где круглые окна глядели в море, портовый квартал уходил вниз и корабли растворялись в синих полосах тумана, вторая – каменной, где почти не росли цветы, но люди жили за высокими стенами и укачивали детей, сидя на пороге, третья – обычная, разноцветная, как многие города; там кричали о новостях, продавали и покупали – а в той, зеленой, где редкие особняки благородных господ прятались в пышных садах, стоял ничей, полуразрушенный дом, и поэт поселился там, где никто не знал его. Собственно, и он никого не знал.

Он это помнил точно, хотя не мог сказать, умирал он здесь или просто – жил.

В прежние два года поэт любил бывать там, где можно было нарваться на нож, потому что жить в десятый и двадцатый раз было невыносимо, но теперь все больше и больше времени требовалось для того, чтобы вспомнить, кто он и откуда он взялся. Если бы удалось прожить хотя бы год или полтора, чтобы память не казалась сказкой и не таяла в тумане...

Местность за пределами города была ему незнакома. Казалось, что кто-то, воскрешая, успел мазнуть по холсту, одним пятном создав облик – маленький человек, мощеная улица, дома из разноцветного тесаного камня, буйство зелени, горы... Художник был очень талантлив, но не успел сделать больше одного мазка. Города, в которых он оживал, казались ему точками на карте. Остальное было белым пятном.

Поэт задавался вопросом, почему он не оживает в пустых городах, в лесах Зеленого пояса, в середине пустыни. Очевидно, в этом была виновата сила, воскрешавшая его. Сила притягивала его к похожим людям, как тот-камень притягивает железо. Он отвечал этой силе, стоя на краю смерти, и все больше слов просилось наружу. Чаще всего они вспыхивали, как маяк, в последний миг, когда он уже был мертв, но продолжал тянуться к свету, и, воскресая, он продолжал разговор с самим собой.

Иногда его убивали за то, что он начинал выкрикивать бессвязные слова, стоя посередине площади.

Опять нужно было добывать еду, ночами было холодно, ходить от дома к дому ему наскучило еще в прошлый раз, до смерти, и он воровал ночью в соседских садах, не боясь сторожей.

В одном таком саду он и попался, и ему бы, конечно же, досталось, но наученный горьким опытом поэт может очень быстро бежать. Он и бежал, бежал со всех ног, нырял между изгородей, как ящерица, а когда пришел в себя, оказался у ворот какого-то дома.

Погоня – два человека, даже смешно – еще рыскала по садам. Но и два человека могут убить, если разозлятся, и поэт толкнул калитку, ведущую во двор. Она отворилась.

Во дворе было тихо-тихо. Окна дома не светились. Где-то слышался тихий, почти неразличимый для человеческого уха звон. Обвивая стену и мерцая среди пышно разросшегося плюща, в темноте вились сольи. Преследователи прошли мимо, ругаясь. Он слышал их голоса за высоким забором.

Поэт посидел некоторое время, наслаждаясь тишиной, и потихоньку начал засыпать. Настала пора уходить.

Он уже почти дошел до калитки, дотронулся до защелки и замер, услышав голос.

– Эй, кто тут! Воры?

Голос принадлежал, по-видимому, еще не старику, но человеку, пожившему в свое удовольствие. В нем было пьяное довольство, но была и некая привычка командовать – наверное, поэтому поэт опустил руку, отошел от калитки и вышел на свет.

– Воры! – честно объявил он. – Стреляйте.

– Не буду стрелять – отозвался тот же голос. – И слуг не позову. Их здесь нет. Входите, будьте гостем. Мне что-то скучновато.

Поэт подумал-подумал, подошел к веранде и открыл дверь.

Перед ним открылась странная картина.

В полумраке, озаряемой масляной лампой, висели мошки. Отблески света озаряли дощатый стол, застеленный куцей скатертью, и роскошную занавесь, которой место было скорее где-нибудь в доме кичливого вельможи. Из темноты выплывал, как нос корабля, угол тяжелой рамы. На столе, застеленном тряпкой, стояло зеркало, похожее на те, с которыми еще недавно забавлялись молодые колдуны.

Время от времени раздавался тихий звон. Это ветер раскачивал гроздь мелких колокольцев, висящих у окна.

За столом сидел хозяин дома, наливая себе что-то темное из большого стеклянного кувшина.

Он был, по-видимому, невысокий, но очень худой и с очень прямой осанкой. Будто проглотил жердь от ограды, непочтительно подумал поэт и улыбнулся.

Картину дополняли две валяющиеся подушки, которым полагалось быть на сломанных сиденьях, а сам хозяин сидел на высоком стуле с отвалившейся спинкой.

– Берите себе что-нибудь и устраивайтесь поудобнее, – скомандовал хозяин дома. – У меня в рукаве нет трубки. Нечасто доводится пить с незнакомцами, особенно такими благовоспитанными, как вы.

– А если я вас убью? – спросил поэт, не трогаясь с места.

– Мне будет не жалко – махнул рукой хозяин. – Здесь так скучно ночами, что самому хочется повеситься. Но я отчаянно ленив.

– Хорошо – согласился поэт. – Но предупреждаю, я не из благородных.

– Клевать! – сосед размашисто повел кружкой. – При моем грузе родословной меня хватит на двоих.

Они сидели за столом и пили из огромных кружек – не молодое вино, как он сначала подумал, а прозаический виноградный сок. После погони очень хотелось пить. Слава умению тех, кто растит и такой виноград, а не только деревья, наполненные убийственной влагой.

О лампу бились какие-то странные насекомые, которых поэт не помнил. Может быть, и не знал.

– У меня временный перерыв в возлияниях – объяснял сосед поэту, размахивая кружкой, будто пил настойку в подвале какого-то столичного заведения. – Приходится принимать, так сказать, пустую пилюлю – делать вид, что пью, хотя и не пью. Хотя, возможно, этот сок забродит у меня в желудке в силу старой привычки. Понимаете?

– Понимаю – очень серьезно сказал поэт. – Уважаю силу непокоренной души.

– Хм...

Они помолчали.

– Как же вас зовут, уважаемый незнакомец?

– Четвертый – сказал поэт, не заботясь вспоминать имя, данное ему при рождении.

– Почему?

– Трех уже нет, а я остался.

– Понятно... Это звучит не только забавно, но и занимательно, так как меня можно назвать Пятым. Я пятый владелец этого виноградника.

– Наследственный?

– Ну нет, что вы. Я купил его когда-то давно, так как должен был иметь поместье, и живу тут всю здешнюю жизнь. Предыдущий владелец прогорел, отдал концы десятком с лишним моих друзей, а я вот все живу.

– И как виноград? – спросил Четвертый, любуясь, будто со стороны, этим спектаклем. Очевидно, хозяину дома ночное происшествие казалось забавным. Забавным, но не странным. Он ко многому привык.

– Виноград меня не особенно интересует, поэтому дела пошли в гору. Все, что меня не интересует, прямо-таки обречено на успех. Впрочем, я давно оставил все другие дела, сижу тут и пишу воспоминания... А вы чем занимаетесь, мой дорогой друг?

Четвертому ни к чему было притворяться, так что он сказал:

– Воскресаю. Наверное, скоро опять убьют. Но я готов.

– Вот как! – Заинтересованный хозяин придвинулся поближе, отставил кружку и внимательно дослушал всю историю до конца.

Портовые улицы днем оказались много гостеприимнее, чем ночью. Старуха, к которой он постучался в лавку, опять дала ему кусок хлеба, в куче хлама и шереха на задворках нашлась какая-то одежда, и весь город, кроме той части, где было много отстраненных лиц, был какой-то теплый, непривычно теплый. Удивительно теплый город.

Он ушел в высокую башню ничьего дома в пригороде, сидел на подоконнике и записывал, иногда задумчиво глядя вдаль с высоты:

Посмотри,
Это мысль, но вот это – привычка и право.
Изнутри
Прорастают сомнения, сорные травы,
Прогорая
И золой засыпая руины.
Мы кроили
Судьбу до последнего края.

Так рушится сердце.

Скоро будем смотреть,
Вспоминать, что из этого было не с нами,

И гореть,
И считать, что это – священное пламя,

Так рушится сердце,
Будто крепость,
Взятая словом.

Там, где солнце

разбросало лучи на все перекрестки —
Чем
ты будешь
В том, последнем краю, в том, серебряном, новом?
Так рушится сердце,
Будто крепость,
Взятая словом.

Сосед оказался прекрасным собеседником. С ним можно было пить и разговаривать до рассвета, хотя и не так честно, как поэту хотелось бы. Он любил сидеть в саду, отпустив вечером прислугу, и слушать в тишине звон крыльев насекомых, поудобнее устроившись за дощатым столом.

Старый хитрый зверь, он когда-то жил при дворе, часто получал от столичных друзей письма и теперь с удовольствием рассказывал поэту, как и на чем строят новую башню для жрецов, с повеления императора и благословения Сахала, и вроде бы в этот раз – все удастся. (Тут хозяин поморщился, и поэт это заметил).

Они уже успели кое-что объяснить друг другу.

– Не знаю, как этот новый человек, но я уверен, что мой учитель сделал бы больше. Его башня была вся в темных знаках, сверху донизу. Тот-камень слушался его и начинал по его слову отталкивать и притягивать. Не стали бы боги так просто посылать ему знаки, которые надо было писать на стенах.

– А что ваш учитель? – горячился дорогой друг. – Кто вообще такой был ваш учитель?!

– Мой учитель был настоящим повелителем молний, – сказал поэт и осекся. Он и так много рассказал.

– Тайелен? – задумчиво протянул хозяин, как-то слишком быстро сложив правду из случайных слов. – Я знал его. Бедный Хэнрох Тайелен. Да, это был настоящий тэи.

– Вы считали его тэи?

Хозяин покачал головой и не ответил.

В тот день они больше не говорили о башнях и молниях, а старательно рассуждали о сборе винограда.

...

В городе сегодня было беспокойно, на перекрестках кричали глашатаи, зачитывая указ о поимке какого-то преступника. Остаться в привычном убежище было страшно, и пришлось отправляться в гости.

В саду было тихо. Ни слуг, ни бокалов на столе. Что-то было не так.

Четвертый позвонил в колокольчик. Послышались шаги, и приоткрылись решетчатые ставни окна веранды.

– Извините, дорогой друг, сегодня я болен, так что не могу вас принять. Приходите позже.

– Что с вами?

– Меня одолевает хандра, и я не настроен говорить о политике. Простите, но при всем желании я не настроен... – не окончив фразу, хозяин дома захлебнулся воздухом и рывкнул: – Вон! Вон отсюда!

Четвертый уходил очень быстро, понимая, что прятаться больше некуда.

Чтобы не попасться в лапы шныряющим по городу крысам в форме, пришлось извлекаться в пыли и просить милостыню. Впрочем, и самая глупая крыса поймет, что опальный

государственный преступник не станет просить милостыню. Четвертый весь день вспоминал учителя, это придавало ему мрачного азарта – и оттого изворачивался как мог, выпрашивая самые невозможные вещи у самых невозможных людей. К концу дня у него был весьма довольный вид. Испокон веков не было в этом городе такого наглого нищего.

Вечером поэт поставил на крыльцо прикрытую тряпкой корзину, из которой торчала бутылка вина, и позвонил в колокольчик, а после отошел за дерево. Там он стоял до тех пор, дверь не открылась и не раздался возмущенный надтреснутый голос:

– И где же вы все это взяли? Нашли на улице?

– Выпросил – честно ответил Четвертый. – Но если хотите, я могу отнести все это обратно. Правда, прогулка по адресам займет очень много времени...

Какое-то время не доносилось ни звука. Потом дорогой друг издал тяжкий вздох и произнес:

– Ладно, заходите. Будем ужинать.

Ужин прошел в молчании.

– Мне придется пересидеть у вас некоторое время – заявил поэт. – Соседи заметили свет в моей башне. Наверное, скоро опять убьют. Живу в развалинах, принадлежащих убитому высокородному преступнику. Вор и человек ниоткуда... Но я готов. Тут убивают и более достойных.

Дорогой друг внимательно оглядел добытые припасы, посмотрел на поэта, как на дурную птицу, и пожал плечами:

– Перебирайтесь ко мне, толку от вас будет больше.

Поэт подумал и принял приглашение.

Теперь ему было спокойно. Он жил в комнате и спал на кровати, а не на каменном полу башни. И слуга, и служанка – пожилые и равнодушные, страдавшие обычными болезнями «прислуги за все» – сделав свою работу, уходили рано.

Комната была маленькой, но светлой. В сущности, это была не комната, а отделенная перегородкой часть веранды. Так соседу было удобнее – он часто страдал бессонницей и в этих случаях приходил к поэту поговорить.

Воспоминания, о которых так пренебрежительно отзывался «дорогой друг», оказались внушительным трудом по истории государства, а камушки – росписью на крупной речной гальке, где каждый камень был бы рад оказаться в покоях императрицы. Один такой, как понял поэт, там был до сих пор – правда, судя по словам хозяина, всей ценности труда великая императрица не понимала. Жаль, что она умерла тридцать лет назад.

Дорогой друг оказался вспыльчив, но добросердечен. В нем чувствовалась сдержанная властность отставного вояки. Иногда они ссорились.

Воспоминания необходимо было кому-то диктовать, и поэт был ценен. Вставать приходилось рано утром, и, если ничто им не мешало, они начинали день с нескольких страниц, которые потом приходилось переписывать и править.

Заканчивая этот утомительный труд, старый хитрец вытер пот со лба и поинтересовался:

– А вы сами что пишете, дорогой друг?

– Всякое... – буркнул поэт, отупевший от ручной работы, и мысленно поблагодарил учителя за то, что тот не бил его по пальцам, исправляя почерк.

Через несколько недель дела поэта пошли из рук вон плохо.

Ему отчаянно было нужно хоть как-то, хоть кому-то высказать то, что было внутри, но кому?.. Как?.. Слова опять пришли к нему, и он кричал нарастающим, стоя на террасе и смотря в небо, где полыхало солнце, приветствуя конец лета.

Что он говорил, он не помнил, но понимал, что скоро вспомнит и будет мучиться от невозможности записать, если не будет бумаги, или тонкой коры, или кисти и камня.

Глаза слезились, но он смотрел вверх и видел те места, где не был никогда.

Он видел песчаные горы, море света, море песка – белого и желтого. По песку след в след прыгали одноногие птицы, длинными прыжками – раз, раз – отмеряя расстояние. В седлах сидели вооруженные люди, некоторые прижимали к себе детей, а кто-то вез длинные свертки, темные и тяжелые.

За барханом поднимался из белого и желтого замок, выставляя покатые стены.

Танец света и теней.

Молнии, скручивающие металл, плавящие длинные полосы стали.

Копья, и ружья, и огненные змеи, катящиеся по песку и сплавляющие его в стекло.

Стеклодув, выдувающий стеклянный пузырь, и ряд стеклянных линз, и огромная яма, в которой ворочается невидимая машина, и...

Огромная женщина шагнула из-за горизонта, накрывая своей тенью небо и землю. В руке у нее был солнечный шар, согревающий мир, и поэт не испугался ее.

– Я тебя вижу, не бойся... – сказала она. Расскажи людям, кто я. Я – Сэиланн.

Когда он опустился на пол, задыхаясь, его неожиданно поддержали.

– Друг мой, ну что же вы так себя изводите – слышал он, уплывая в темноту. – Почему вы раньше не показывали мне ничего, кроме некоторых дурных стишков? Почему вы не удостоили меня подобной чести? Чем я хуже гор и солнца? Тем, что я живой? Ну ничего, сейчас все пройдет, а теперь надо успокоиться, успокоиться...

Какая злая шутка, подумал Четвертый, проваливаясь в сон. Он блаженно дышал, успокаиваясь.

Если бы это было отчаяние поэта, которого некому, некому слышать... Но нет.

Раздающий пригоршни грома, бог моего учителя, мой бывший бог... Пошли и мне отчаяния, прошу тебя! Хотя бы такого, чтобы я мог заплакать.

Очень, очень тебя прошу...

16

Ночь осыпала холмы звездным дождем.

Тишину нарушали только редкие вскрики птиц и – совсем недавно – топот прошедшего по дороге отряда. Им доложили, что от ворот башни, отведенной посланнику во владение, ушел человек, закутанный в плащ, и направился прямо сюда.

Правильно, как же им было сюда не пойти?

Он поднял руку и мысленно отмерил расстояние до цели.

Этот камень, здоровенный валун, лежавший на самом краю разрушенной стены, Таскат заметил еще тогда, когда они днем проезжали мимо. Два высоких холма, один за другим. Даже ночью с первого очень просто разглядеть, что творится на вершине второго. Туда вела довольно широкая дорога, и, пока лабораторию не снесли почти до основания, дорогу успели даже замостить. Хорошо у них с дорогами. Кроме того, эти глупые люди не чувствуют чужого тепла и ходят с фонарями.

Арбалет был при нем, обычный арбалет с усиленной пружиной. Тут таких пружин не делают. И тетивы тут такой нет. И болт получился хороший, с начинкой. Стандартное оружие, если хорошо подумать, тоже может пригодиться, если уметь его приспособить. А еще хорошо видеть в темноте.

Таскат прицелился и выстрелил.

Камень обрушился. Закачались верхушки деревьев на склоне.

Он перевел дух. Похоже, все, кто мог за ним следить, ушли дальше, на подъем, туда, где высились впечатляющие руины лаборатории. Валун, откатившийся непонятно почему, еще больше убедит их в том, что глупый любитель играть в кошки-мышки пошел туда. Кошки-мышки.

Мышки и землеройки тут есть, а кошек нет. Мышки опасны. Ро-мни очень удивился бы такому биоценозу.

Вот так. У него еще оставалось время осмотреть башню.

Таскат споткнулся, упал на колени и почувствовал под рукой что-то гладкое, непохожее на камни вокруг.

Мысленно ругая себя на все корки за шум и неосторожность, он осмотрел находку. Это был какой-то маленький гладкий диск, похожий на большую монету. А что это такое может бы...

– Ну как, понравилось? – раздался над ухом ехидный голос.

– Что – понравилось? – медленно и недовольно проговорил Таскат.

Все, драгоценный и уважаемый, пришел твой конец. Вот как это бывает. Плен, допрос, расстрел, позор?.. Интересно, а как здесь хоронят? Я как-то не удосужился узнать... Чуть собачья.

Мгновенно онемели руки.

Высокий человек, тот, который подмигнул ему тогда, во дворце, присел на камень напротив него. Он был какой-то холодный, что ли. По крайней мере, тепла в нем было не больше, чем в молодой поросли у камней.

– Здравствуйте... эээ... уважаемый, – сказал он, явно пробуя на вкус непривычное обращение.

– Здравствуйте, Тайген. Давно ли вы за мной идете?

– Не так уж и давно, уважаемый. С тех пор, как вы свернули в сторону, в которую не ходят.

Значит, тогда, когда взошла вторая звезда. Он видел все мои неуклюжие падения, а то давно бы потерял след. Тут все ноги сбить можно. Может быть, он тоже когда-то привык играть в прятки в лесах, как я в детстве? Спасибо моему детству за этот впечатляющий конец строки...

– Несомненно, такому опытному разведчику не нужны спутники – подколот Таскат. – Неужели вы здесь один?

– Угадали, угадали – осклабился высокий. – Вы, оскорбитель императорской власти, будете весьма мне полезны. Я не сомневаюсь, что вы ищете здесь то же, что и я. И сейчас вы мне это отдадите.

Он указал кончиком ножа на диск.

– Хладнокровия вам не занимать.

– Да и вам... смекалки... Я как-то наблюдал, как вы гуляете пьяным вечером по императорскому саду, не спотыкаясь. Не хуже ящерицы-мухоловки. Так что не думайте, что я не понимаю, о чем вы. Но у вас есть шанс уладить дело мирно.

– Вот как?

– Да. Мне не нужен шум, а этим глупым солдатам не нужна ваша находка. Отдайте ее мне.

Он подался вперед, и воротник плаща распахнулся. Что-то блеснуло.

Это не металл, понял Таскат. Но тут и без металла обходятся, если что. Таинственный незнакомец, скорее всего, просто шпион, хотя и высокого ранга. Запомним, запишем на будущее, какие у них холодные кольчуги...

– А зачем вам эта дребедень? – равнодушно поинтересовался он.

– А зачем вам ваша драгоценная жизнь? – улыбнулся убийца. – Может быть, тайны обитателя этого дома стоят дороже?

– То есть это равноценно жизни? Может быть, мне стоит поторговаться? Пара магических секретов в обмен на неизвестную безделушку?

– Не советую. Искренне говорю вам, что нам нужно больше. И меня совершенно не волнует, кто свалится с неба после вашей смерти. Правительство разберется. Так что давайте, давайте... – Убийца протянул свободную руку. – Можете бросить его мне, не вставая. Так будет удобнее всего. – И он немного поиграл клинком.

– Судьба империи вас тоже не волнует?

– Неужели вы такая важная птица? Поверьте мне, есть десять тысяч способов повести дело так, чтобы смерть одного-единственного посланника не стала поводом для войны. Вы уже слишком долго наживаетесь на наших распрях. Знаете, что говорят в закоулках дворца? А нейдар можно добывать и без машин, по старинке, главное – побольше рабочих. Это кровь земли. Вы выкачиваете нашу кровь.

– Если бы кровь... Вы оптимист.

– А если вам отрубить руку и держать взаперти? А если дать вам отравы, от которой вы будете лежать без памяти месяц или два, пока мы разбираемся в ваших делах? А если...

– А если, если... – перебил его Таскат. – А если я тоже колдун?

– Непохоже – серьезно сказал убийца.

– А я искал тут другое – протянул Таскат в ответ, играя своей находкой.

– И что же вы искали? – напрягся высокий.

– Тут лежит такая металлическая таблетка от любопытства. Вы ее не видели? Нет? Она круглая и истончается по краям. Ее будет очень удобно глотать. Диск как раз подходит под это описание.

– Что-что – от любопытства?

– Пилюля... – улыбнулся незадачливый посланник, свалился с камня, перекатившись, и очень, очень быстро вытащил нож. Если выбьют, обойдемся и естественным оружием. Клинок высокого ударил в камень, не задев рукава.

– Будете глотать? – уже не очень вежливо осведомился Таскат. – Или подавитесь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.